AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞIMALÎ · KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ · КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD — NORTH CAUCASIA

№ 36 nisan — 1937 — апрель № 36

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA”
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransız frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Włodarzewska 26 m. 6a Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ” СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Włodarzewska 26 m. 6a Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 36 NİSAN — 1937 — АПРЕЛЬ № 36

TEREK'İN BAŞLADIĞI YER

ИСТОКИ ТЕРЕКА

B. Bilatti

Millî merkeziyetçilik—muvaffakıyetin zimanıdır

Mecmuamızın bundan evelki nushalarından birinde Cavan bey „İki Yol" başlıklı mekalesinde ötedenberi temas edegeldigimiz şu mes'eleden bahsetmişti: aceba biz, her iş ve hareketimizde muhtelif kabileli oluşumuz esasındanmı hareket edecegiz, yani bu ciheti müşterek bir hale getirerek derinleştirecekmiyiz yoksa, müşterek menşe ve kan bağlılıgile perkleşmiş bulunan hayatî, ruhî hususlardaki müşterek vasıflarımızı nazara alarak her yerde tek millî irade ve emeli müdafaa ederek kabile yahud milletlerin bir devletinimi yaratmağa çalışacağız? Cavan diyorki: „Ta bidayettenberi biz, Şimalî Kafkasya millî—siyasî tefekkürünün pratik teşebbüs ve iş esası olmak üzre kabile taksimatı prensipini değil, hakıkî millî merkeziyetçilik esasını tervic etmişizdir. Şimalî Kafkasya millî mes'elesini hiç bir zaman, müşterek millî işin tahakkuku için taktik gayelerle birleşmiş ayrı-ayrı kabile yahud milletlerin bir mes'elesi gibi telâkki etmemişizdir. Millî uyanışımız mes'elesi bizim için her zaman kendi istiklâlını ve yaşamak hakkını elde etmeğe çalışan tek Şimalî Kafkasya milletinin mes'elesi olarak kalmıştır".

Cavan bey'in düşünce ve kanaatının izile yürüyerek, bahis mevzuu olan mekalesinde ileri sürülen fikirlere bazi şeyler ilâve etmegi lüzumlu adediyoruz.

Bize göre, Şimali Kafkasyan'ın geopolitik vaziyeti ve bulundağu umumî şerait bizi müstesna bir vaziyet karşısında bulundurmaktadır. Bu vaziyet de millî uyanış fikrini degil yalnız kabile taksimatı esasına dayandırmak, hatta bu kabil bir taksimat fikrini beslemek bile umumî millî işimiz için tehlikeden başka bir şey degildir.

Kabile taksimatı kendi başına Şimalî Kafkasya'da ayırıcı bir zihniyetin mevcudiyetine delalet ederki, bu, istiklâlımızın alenî ve hafi düşmanlarının aktif yardımları neticesinde şimalî kafkasya milletini teşkil eden ayrı—ayrı kabileleri millî birer vahdet haline getirmegi hedef edinen açık siyasî bir cereyan halini ala bilir. Kabile taksimatı ezelî düşmanlarımızın elinde iyi bir silah olacak ve bu silâhla düşman, kabile husumetleri vücuda getirerek bundan bilistifade henüz temamen çementolaşmaga vakıt bulamamış şimalî kafkasya milletini parçalamağa gayret edecektir. Şimalî Kafkasya milletinin parçalanub inhilâl edişi de tek millî bir irade gibi bir esastan mahrum kalacak olan şimalî kafkasya devletçilik fikrinin ortadan kalkmasını tevlid edecektir.

Şimalî Kafkasya tarihinin başlıca inkişaf safhalerini tetkik edecek olursak, görürüzki, bu tarih, kendi üzerinde bir kaç asır boyunca yek digerini ezmege gayret eden iki siyasî cereyan arasındaki devamlı mücadelenin tamgasını taşımaktadır Tarihin o merhalesinde ileri ve hâkım olan Şimalî Kafkasya'nın ayrıayrı kavmî gruplarının temamen tabiî ve saglam, kurucu devletçilik sevki tabiilerinin neticesinde hûsule gelen bir cereyan, parcalanmış kabileleri kendileri için müşterek olan tek bir devlet hudutları dahilinde birleştirmege ve bu kabileleri tek bir millet haline getirmege çalışmıştır. Alan, hazer devrinde, daha sonra adıge devrinde ve nihayet Mansur, Kazi-Muhammed, Hamzat Bek ve büyük Şamil zamanında hep böyle olmuştu. Şimalî Kafkasya'ya yabancı olan kuvvetlerin tahrik ve yardımlarile tutunan ikinci cereyan ise temamen aksi gayeler takıb etmiştir. Bu cereyan, kabile ayrılıklarına göre parçalamağa, ayırmağa teşebbüs ve tarihî mukadderat ve siyasî, manevî menfaat birliginin çözülmez bağlarile bağlanmış bulunan doğma kabilelerin tabiî birleşme ameliyesine her vasıta ile engel olmağa çalışmıştır.

Bu iki cereyan arasındaki mücadele en had şeklini Şimali Kafkasya'nın Moskva ile olan efsanevî, takriben iki asırlık mücadelesi zamanlarında almıştır. İşte bu zamandırki ikinci—ayırıcı—cereyan her vasıta ile şimalî kafkasya kabilelerinin mukavemetini zayif düşürmege ve Kafkasyan'nın servetini ele geçirmege can atan Moskva devletinin sıfatında kuvvetli ve zengin bir hâmi bulmuştu. Fakat daha geçen asrın 30-ci yıllarında Şamil'in dehası gayri müsavî mücadelenin ağır şeraiti içerisinde şimalî kafkasya'nın o zamanki hayatına göre tadil edilen muasir hukuk kaidelerine göre idare edilen müttehid bir şimalî kafkasya devletinin örnegini yaratmak suretile, birleşme hareketi için kuvvetli bir temel olmuştu. Büyük İmam'ın şimalî kafkasya vahdetinin bir sembolu oluşu boşuna degildir. Fakat o zaman Şimalî kafkasya'da millî birlik şuuru bulunmamış olsaydı hiç şüphesiz Şamil'in dehası da şimaldan gelen ayırma tesirlerine karşı millî birligin kurucu fikrini ileri sürmekten aciz bulunacaktı. Şamil'in yarattığı devletin temeli, işte bu millî birlik şuuru olmuştur.

Kafkasya'da kökleşen çarlık kendi ayırma ve parçalama işini devam ettiriyordu. Kendi millî siyasetlerinde varisi bulundukları çarlığın sınanmış metotlarından istifade eden bolşevikler dahi ayni yol üzerinde yürüdüler. Sovyet hükûmeti dahi Şimalî Kafkasya milletini parçalamağa teşebbüs ediyor. Şimalî Kafkasya erazisini bir çok müstakil ve keyfi surette teşkil edilen idarî cüzütamlara parçalamak, yerli kabile hususiyetlerini kasten tebarüz ettirmek ve dil ayrılıklarını kuvvetlendirmek gibi hareketler işte bolşevikler tarafından muntazam ayırma planını tatbik için alınan tedbirlerdir.

Binaenaleyh bunun için dirki, hatta müstakil bir hayat yaşıyan temamen mütesanid bir millet için bile büyük bir tehlike teşkil eden kabile ayrılığı fikri, daha kendi kurtuluşu için mücadele halinde olan şimalî kafkasya milleti için hiçte kabili tatbik değildir. Şunu itiraf etmek lazımdırki, bu fikir şimalî kafkasya'da tutunamamış ve tarihimiz bu fikri Şimalî Kafkasya şeraitinde bozucu siyasî bir zihniyet olması dolayisile daimî olarak redetmiştir.

Vilayet—kabile taksimatını redederek buna karşı yaratıcı millî merkeziyetcilik fikrini vazederken biz federalizm sistemini dahi redetmeliyiz. Çünkü federalizm, bir siyasî idare şekli olması itibarile taksimat prensipine en fazla yakın ve uyğun bir sistemdir. Bunun yerine daha mütekâmil ve milletin en devamlı siyasî teşkilat şekli olan uniter devlet fikrini kabul

etmeliyiz. Kabile taksimatı, federalizm ile sıkı sıkıya bağlı bulunmakta ve bu idare tarzında daha fazla inkişaf zemini bularak en nihayet devletin vahdetini, bütünlüğünü tehdid eden bir vilayet milliyetçiliği şeklini almaktadır. Buna göre, federalizm bizim siyasî emellerimizi tatmin edemez ve bizim için siyasî bir ideal olamaz.

Umumiyetle kabul edilen bir telâkkıye göre, federalizm, dağınık beşerî cemiyetlerin bir araya gelmelerini temine yarar bir vasıta, kendi menfaatlerinin birliğini ve tarihî mukadderatlarının müşterekligini meş'ur bulunan ayrı ayrı içtimaî grupları siyasî vahdete götüren yolun merhalelerinden biridir. Fakat hakıkatte ise federalizm hiç te, federal idarenin her zaman ve her yerde siyasî şekil tekâmülünün merhalelerinden biri olduğunu, dağınıklıkla tam birleşme arasında bir köprü vazifesini yaptığını iddea eden yegane siyasî bir nazariye degildir. Federal idare her muşahhas tarihî vak'ade, birleştirme amili rolunu oynamak, uzlaşma ve barış gayesi takib etmek yahud parçalamağa teşebbüs etmek, mevcud bütünü parçalamak için şerait vücude getirmek gibi hallerden asılı olarak hususî bir ehemmiyet ve karakter taşımaktadır. Mesela, ilim, erazi-vilayet, meslekî-iktisadî, millî-devletî ve beynelmilel olmak üzre bir çok federatif idare şekli imkânını tefrik ve hayatî tecrübeye istinad ederek son şeklin yani beynelmilel federalizmin ifade ettigi manaya daha fazla yakın olduğunu kabul ediyor. Çünkü, beynelmilel federalizmde, birlige müstakıl devletler yahud ayrı ayrı milletler dahil bulunuyor. Diger şekillerinde ise federatif sistem takib edilen gayeyi tatmin edemediginden kabule şayan görülmüyor.

Federatif idarenin zayifligi daha Napoleon tarafından kaydedilmişti. Napoleona göre, „federalizm kuvvetleri parçaladığı için büyük devletleri zayif düşürüyor". Maruf federalizm taraftarlarından Tokvil, federatif birleşmelerin bu menfi cihetine daha bariz bir şekil vererek diyor ki: „Federal sistemin meziyetini, kimse bendan daha fazla takdir edemez. Bu sistemde beşeriyetin emniyet ve hürriyeti faydasına en kudretli kombinezonlardan birini görüyorum. Böyle bir sisteme malik olan milletin taliine gibte ediyorum. Fakat ben, federasyona dahil olan milletlerin musavî kuvvetle idare hakimiyetinin merkezleştiği millete karşı uzun müddet mücadele edeceklerine inanmaktan vaz geçiyorum". Tokvil tarafından gayet yerinde söylenen bu son cihet Şimalî Kafkasya şeraitinde hususî bir kuvvet ve ehemmiyet elde etmektedir. Federatif Şimalî Kafkasya, mıktarca bizden çok üstün olan haricî düşmanımızla mücadele vukuunda, karşılaşınca oldukca fena bir vaz'iyette bulunacaktır. Çünkü, federasyon icabı, metin merkezî bir hakimiyetten mahrum bulunacak ve neticede millî kuvvetleri federasyonun bütünlügüne ve kudretine zarar vermeden temamen ve azemî surette seferber hale getirmekten aciz kalacaktır. Ayrı ayrı kanton, eyalet ve kabilelerin uzlaşma ve mütekabil fedakârlık esasî üzerine kurulan federatif sistem, haddi zatında fevkalâde hassas ve nazik bir vasıf taşıyan adi bir musamaheden başka bir şey degildir. İşte bu vasfı dolayisiledirki, uniter devletin karakterini teşkil eden kuvvet ve metanetten mahrumdur. Kendi tabiî mevcudiyeti için federatif sistemin bir takım hususî şeraite ihtiyacı vardır. Bu şerait de federasyon'a dahil olan kabile, millet v. s. nin erazice ve sayca müsavî oluşuna hususî bir dikkat atf etmekten, ehalinin alelumum kanunlara ve merkezî hükûmetle yerli hükûmet arasındaki ihtilafları halleden federal mahkemenin kararlarına itaat ede bilecek şekilde münkeşif bir hukukî şuura malik olmasından ibaretdir. Başlıca olarak, hakimiyeti müttefik ve mahellî hükûmet müesseseleri arasında taksim etmek (eger böyle söylemek mümkün ise) ve ayrı ayrı kanton, eyalet hükûmetlerinin karşılıklı münasebetlerinin bozulmasına sebebiyet veren daimî anlaşamamazlık mes'elesinden ileri gelen hakimiyeti teşkil işinin mudil ve karışıklığı, değil sulh zamanındaki, tabiî faaliyeti sekteye ugratmak, harb zamanında kuvvet ve enerjinin lüzumsuz ve boş yere sarf etilmesini de intac ediyorki bu da pek tabiî olarak federatif devletin mukavemet ve istikrarinin azalması üzerinde müessir olur.

Federalizmin ayırıcı tesirleri Merkezî ve Cenubî Amerika'nın siyasî tarihinde bilhassa kuvvetle kendini göstermektedir. Yukarıda işaret ettigimiz gibi musameheye dayanan federatif idare şeklinin, ispanyolun olduğu gibi portgiz dünyasının da vahdetini yaratmaga müstaid olmadığı anlaşıldı. Meselâ, degil yalnız şimalî-amerika federalizminin tesiri, ayni zamanda ispanyol ırkında kuvvetle inkişaf etmiş olan ve amerika zemini üzerine geçirilen ferdiyetçilik ve istiklâlçılığın tazyıki altında ibero-ispanyol Amerikasında inkişaf etmiş bulunan federal zihniyet, ispanyol dünyasının bir sıra müstakil devletlere parçalanmasını intac etmiştir. İberya Amerikasında federalizm ekseriyetle bir birleştirme âmili değil, bir ayırma kuvveti olmuştur. Bu ayırıcı kuvvetten ayrı ayrı yerli siyasî recul kendi gayeleri için bugün bile istifade etmektedirler. Dünyanın bu kısmında eyalet istiklâli ve federalizmi fikri ekseriyetle kanlı vatandaş harblerine, ihtilâle sebebiyet vermiş ve buralarda millî birlik aleyhine mücadele için vesile olmuştur. Bu vaziyet de malûm olduğu üzre yerli devletlerin inkişafına ve beynelmilel hayatta siyasî kıymetlerinin yükselmesine engel teşkil emiştir.

Şunu da kaydede'im ki federalizmin birleştirici bir âmil rolu oynadığı devletlerde bile uniter sistem kuvvetle inkişaf etmekte, federatif idare sisteminin ilk vechesini degişmek ve bu sistemi zararsız bir tekâmül yolu ile uniter devlet sistemine (cenubi—amerika devletlerinden bazileri) yaklaştırmak suretile federatif sistemin karakteri üzerinde müessir olmaktadır. Bu, gayet tabiî bir hadisedir, çünkü tekâmül ve terakki kanunu mucibince mütekâmil olmıyan her şekil kendi inkişaf ameliyesinde kemale doğru yürüyor ve bu suretle konfederasyon, federasyona ve bu sonuncu da uniter devlete munkalib oluyor.

Mamafi, bazi tarihî misallar bize, mütekâmil şeklin yavaş tekâmüle ihtiyac olmadan da elde edile bilecegini göstermektedir. Muhtelif kavmî ve ırkî unsurların karışması neticesinde teşekkül eden italyan milletinin inkişaf tarihi ve bu milletin kendi siyasî idare mes'elesini hall tarzı, bu hususta kendisinden ders alınacak ve bilhassa bizim için dikkate deger bir misaldır. İtalyan misalında biz, şimalî kafkasya milleti ve bunun devlet kuruluşu ile alakadar olarak her birimizi düşündüren sualların kanaatbahş cevablarını bula biliriz. Her şeyden evvel bu misaldan anlıyoruz ki, kendi nihaî şeklini bulmamış ve henüz mütesanid

bir hale gelmek üzre bulunan milletler, bazilerinin düşündügü gibi, kendi siyasî inkişaflarını tekmil için federalizm'den geçmek mecburiyetinde degillerdir. Bilakis, italyan milletinin misalında görüldügü gibi, bir millet birdenbire uniter devlet şeklini kabul edebilir vaziyettedir. İtalyan milletinin yolbaşçıları müttehid italyan devleti vücude gelirken, İtalyanın evvelki dağınık haline dayanan federalist zihniyeti ihmal etmekten hiçte korkmıyarak tek merkezî bir kırallık vücude getirdiler. Şunu da ilave etmelidir ki, o sıralarda bir çokları—italyanlar artık bir milletmidir?, diye tereddüdlerini gizlemiyorlardı.

Kafkasya'nın vaziyeti bakımından öyle zanediyoruz ki, siyasî bir teşkilat şekli olması itibarile dört Kafkasya milletini birleştirmege yarıyacak olan federalizm, bizim için kayıdsız ve şartsız kabul edilebilecek siyasî bir ideal ola bilir. Buna mukabil, Şimalî Kafkasya'da şimalî kafkasya milleti için federalizm prensiplerini (kabile yahud diger bir prensip) kabul etmege hiç te lüzum yoktur. Zira, geçici ve gayri sabit olan bir devlet teşkilat şekli, şimalî kafkasya milleti için siyasî bir ideal olamaz. İbero-amerikan milletleri, yahud İsviçre misalları bu takdirde pekte kanaatbahş ve mülahazamızı çürütecek bir vaziyette degildir.

Merkezî ve Cenubî Amerika milletlerinin bugün zararsız bir şekilde federalizm tecrübesile meşgul bulunmaları, hiç şüphesiz, bir taraftan geopolitik vaziyetlerinin iyiligi diger taraftan da, Monreo'nun Amerika amerikalılarındır prensipini muhafaza etmek isteyen Şimalî Amerikanın himayesinden ileri gelmektedir. İşte bu iki cihettirki burada federalistlerin merkeziyetcilerle daimî mücadelesine (federasyonlarda mutad hadise) ve bu mücadeleden çıkan ihtilâl hareketi ve siyasî kargaşalıga zararsız bir şekil vermiş ve hiç bir haricî sarsıntıya mahel vermiyecek münasib bir vaziyet yaratmıştır.

İsviçre'de hayatın normal, sulh ve asayış içerisinde cereyan edişi dahi, Avrupa büyük devletleri arasında mevcud rekabetin İsviçrenin ancak bügün bulunduğu şekilde mevcud kalmasına ihtiyac gösterdiği içindir. Bununla beraber İsviçre'de dahi son zamanlarda merkeziyetçilik cereyanı kuvvet bulmuş ve unitarizme dogru bir tekâmül başlamıştır.

Fakat, bize kalırsa Şimalî Kafkasya'da federalizm, ileride şimalî kafkasya milletinin ihtiyaclarını tatmin edecek bir vaziyette olamıyacaktır. Kendi siyasî ve müstakil hayatını kurmaga mecbur olacağı şerait dahilinde kabile taksimatı fikrinin ve bunu takib edecek federalizmin Şimalî Kafkasya'da yer bulacağı şüphelidir. Yaralı ve zayif cihetlerimizden, ilk sırada tabiatile kabile ayrılığımızdan istifade etmege âmade bulunan kuvvetli haricî düşmanlar karşısında, her türlü siyasî tecrübeler milletin mevcudiyetini tehlike altına bırakacağından bu gibi şeylerle uğraşmak, istiklâli kaybetmek tehlikesini göz önünde bulundurmak demektir. Kâfi derecede kuvvet kazanmamış, zayif bir millet, yüksek siyasî bir hazırlığı olmadan ve azemî kuvvet sarfına muktadir olmadan daha temamlanmamış bir devlet kuruculuğu, bahusus zayif bir merkezî hükûmet şeraiti dahilinde, karşımızdaki oldukca mühim ve mudil mes'elelerin halline girişemez. Şimalî kafkasya milletinin, siyasî teşkilatın son şekline götüren yol üzerinde geçici merhalelerde tevakkuf etmege vaktı yoktur. Milletimız, sırası gelince, italyan milletini örnek almak ve kısa bir müddet zarfında müteşekkil bir hale gele bilmek ve tabiî inkişaf ve emniyetli bir mevcudiyet şeraiti yarata bilmege yarıyacak olan bir devlet kuruluş sistemi intihab etmek mecburiyetinde kalacaktır. Şimdiden denile bilirki, ne kabile taksimatı prensipleri ve ne de kendi mahiyeti itibarile şimalî kafkasya devletinin şiddetle ihtiyac hisedecegi kuvvet ve istikrardan mahrum bulunan federalizm, intihab edilecek sistem meyanında yer bulamaz.

Bu ciheti elzem kılan bir nokta da şudur ki bizim siyasî emel ve gayemiz federatif bir ittihad haline gelmiş ayrı ayrı kabilelerin basit uzlaşması degil, bir birine bağlı uniter devlet şeklinde ifadesini bulan millî bir birliktir. Ancak bu kabil kurucu bir zihniyet ve düşünüş tarzidir ki zamanın ruhuna münasib ola bilir ve ancak bu yol iledir ki, millette mevcud canlı, aktif ve yaratıcı kuvvetlerin seferber hale getirilmesi kabil olur. Totalizm devrinde emperyalizm iştihalerinin yeniden kuvvetlendiği bir sırada federalizm Şimalî Kafkasya için tehlikeli bir devlet kuruluşudır.

Federalizm fikri bizde ancak, şimalî kafkasyalı diye bir milletin mevcud oluşunu inkâr ettigimiz zaman yer bula bilir. Bu takdirde federatif şekil münakaşa mevzuu ola bilir ve şimalî kafkasya devletçiliginin kuruluş şekli tetkık edilirken kendisine bir hak dahi kazanır.

Fakat, bilakis biz Şimalî Kafkasya'nın bütün millî mehafillerince tanılan bir şimalî kafkasya milletinin mevcudiyeti fikrinden hareket etmiş olursak hiç şüphesiz şöyle bir mantıkî neticeye varmış olacagız: bizim için en iyi siyasî bir kuruluş şekli, bazilerinin kanaatine göre federalizm degil, belki de ademî merkeziyetci idareli ve bazî eyaletlere verilecek muhtariyetli uniter bir devlet sistemidir.

İşte kendi pratik millî hareketinde kabile taksimatına degil, Cavan'ın kayd ettiği gibi karışık da olsa tek ve hayatiyet eseri gösteren bir şimalî kafkasya milletinin mevcudiyetine derin bir iman ve kanaattan gelen millî merkeziyetçilige dayanan Şimalî Kafkasya devlet kuruluşu mes'elesini biz umumiyetle böyle tasavvur ediyoruz.

Müşterek millî bir dilin olmayışı, bundan başka diger bütün unsurları ihtiva eden bir milletin mevcudiyetinden şüphe etmege bir esas teşkil edemez. Müteaddid defalar mecmuamızda yazıldığı gibi, bir milletin hayatında dilin büyük bir ehemmiyeti vardır. Fakat, bu dilin milletin her azası için müşterek olması zarurî bir şart degildir. Vaktile biz bu mes'ele üzerinde daha etrafli olarak tevekkuf ettigimiz zaman, millet mefhumunum temamen sarih bir şey olmıyarak haricî yani sırf objektif tariflere kolayca maruz kaldığını ve nisbî bir karakter taşıyarak zaman, mekân ve hâkim dünya görüşünün tesiri altında muhtelif tefsirlere uğradığını kaydetmiştik. Menşe, dil, din, an'ane v. s. gibi bu mefhumu tarif için vaktile kabul edilmiş objektif âmiller, malûm olduğu üzre çoktanberi ehemmiyetini kaybetmiş ve şimdiki halde hakim bir rol oynamaktan çıkmıştır. Bu âmiller „millet" mefhumunu, bahusus gerek dil ve gerekse ırk itibarile karışık bir ehalinin bulunduğu yerlerde formüle etmek için kâfi degildir. Bu unsurlar, daha ziyade millet mefhumu-

nun yardımcı âlametleri olub onun, ancak tabiri mahsusile naturalia'sını teşkil ediyor, milletin derunî mahiyetini ifadeden aciz olarak onun enfusî evsafi haiz unsurlardan ibaret, tabiri mahsusile essentialia'sına dahil bulunmuyorlar. Millet, şu veya bu sebebten dolayı yakınlaşmış, his ve fikir hususlarında mütesanid bir hale gelmiş insan gruplarının şuurunda husule gelen ruhî hadiselerin prosesinde dogan sırf ruhî ve harsî bir hadisedir. Kendi ruhî yakınlığını, ruhî birligini ve diger insan gruplarından ayrılığını meşur bulunan, müşterek hayre hizmet için vazife hissini ve umumun iyiligi için sıkı bir işbirligine ihtiyac olduğunu hakkile derk etmiş içtimaî gruplar, âdi bir insan yığını olmaktan çıkarak, organik bir surette çözülmez ruhî bağlarla bağlanmış daha derin ve bütün bir varlık arzederler. Bu bağlılığı hiç bir kimseden asılı olmıyan, temamen ayrı bir devlet yaratmak suretile hukuken ve filen şekilleştirmek azmini göstermekte haricî ifadesini bulan bu kabil bağlayıcı bir şuurun kendine göstermesile millette kendini gösteriyor. Böyle bir milletin birleşik bir hale gelişi de ancak millî dil, ortaklı tarihî mukadderatın v. s. nin mevcudiyetile daha fazla kuvvet buluyor. Fransa, Belçika, İngiltere, Şimalî Amerika birleşik cumhuriyetleri, İspanya, ispanyol Amerikası devletleri, Portgiz, Brazilya, bahusus İsviçre gibi memleketler mülahazalarımızın doğruluğunu teyide yarar en parlak misallerdir.

Milletin teşekkülü için, milleti teşkil eden ayrı ayrı parçaların uzun zaman tek bir devlet hududu dahilinde bulunmasını zaruru adeden görüş dahi, tenkide tahammül edemiyecek kadar zayifdir. Objektif alâmetler kendi başına bir milletin teşekkülünde amil olmadığı gibi, tek bir devlet hududu dahilinde uzun müddet yaşamak keyfiyeti dahi ayrı ayrı parçaların bir millet haline gelmelerini temin için zarurî bir şart sayılamaz.

Bâzi emperatorluklarda, ayrı-ayrı parçaların uzun müddet bir devlet hududu dahilinde bulunmalarına ragmen (amerika milletleri ve dünya siyasî haritasının harb sonu maruz kaldığı tebeddülat neticesinde teşekkül eden milletler) bilahere temamen ayrılmalarına yariyan koloni parçalamaları bu kanaatımızı teyid eder mahiyettedir. Fakat bunun daha kanaat bahş ve mühim misalini biz, roma emperatorluğunun enkazi üzerinde meydana çıkan italyan milletinde görmekteyiz. Bu emperatorluğun bakıyeleri, malum olduğu üzre, bin seneden fazla bir çok küçük müstakıl devlet, eyalet ve şehirlerden ibaret olmuş ve hiç bir zaman tek, milli ve devleti bir bütün halini almamıştır.

Bu suretle görülüyor ki, milletin mahiyeti, subjektif âmillerden, ruhî elemanlardan ibaret olub mümeyyiz vasfı da uzun süren bir tarih boyunca insanların kafasında doğan şuurdur. İşte bu medenî ve harsî birlik şuuru dırki muayyen içtimaî bir grupu his ve fikirce tek bir bütün haline getirerek onda tek ve umûmî müstakil bir devlet çerçivesi içerisinde siyasî hayat yaşamak azm ve iradesini vucüde getiriyor. Karışık şimalî—amerika halkı bir millet olarak yaşamak iradesıni 1787 konistitusyonu ile tesbit ettigi andan itibarendirki, olğun bir millet olmağa başlamıştır. Konistitusyonun mukaddemesinde yer bulan „biz, birleşik cumhuriyetler milleti bu konistitusyonu neşr ve tesis ediyoruz" çümlesinde şimalî—america milletinin millî şuur ve millî olğunluk mahsulu olan tek iradesi, temamen ifade edilmiş bulunuyor. Ayni şeyi, 1874 de kabul edilen isviçre konistitusyonunda dahi ğörmekteyiz. İşviçre milletinin iradesini ifade eden konistitusyonun başlangıcında şunları okuyoruz: „Her şeye kadir allah namına! İsviçre konfederasyonu, kantonların ittihadını takviye etmek, isviçre milletinin birlik, kuvvet ve şerefini korumak ve kuvvetlendirmek maksadile bu federal konistitusyonu kabul ediyer."

Şimdi şöyle bir sual sorula bilir: Şimalî Kafkaya halkında ruhî birlik ve millî hususiyet şuuru varmıdır? Aceba o, umumun hayrına, tek millî bir iradeye hizmet etmek vazifesile mükellef olduğunu müdrikmidir? Ve bu millî iradeyi müstakil bir devlet yaratmak suretile şekillendirmek ve kanunî bir şekle sokmak arzusunu besliyormu? Bütün bu suallere cevab vermek lazımmı? Halkımızın inkişaf etmiş millî bir şuura malik olduğunu ve kendi millî varlığı için yaptığı mücadeleleri gösteren Şimalî Kafkasya tarihi bütün bu suallere müsbet bir cevab teşkil eder. Şimalî Kafkasya milleti eskidenberi mevcuddur, lâkin, Kafkasya'nın ictinabi kabil olmiyan geopolitik vaziyetinden dogan hususî şerait ve sebebler dolayısile kendi inkişafının nihaî şeklini henüz bulamamıştır.

Çarizmde olduğu ğibi, şimdi de sovyet rejiminde tatbik edilen müstemleke idare sistemi ve mahkûm milletleri daha fazla millî parçalara bölmek siyaseti, Şimalî Kafkasya'nın millî tesanüd hususunda inkişafına imkân vermemiş ve bugünde vermemektedir.

Aceba bu, bugünkü vaziyeti olduğu gibi takdir, tarihî hadiseleri engelsiz tahlil etmek ve değil yalnız milletimizin asırlar boyunca devam eden hayat tecrübelerinden, tarihi itibarile bize benzeyen milletlerin de hayat tecrübelerinden ders almak imkânında olan bizler için, millî istikbal mes'elemizi halle çalışırken kabile teksimatı prensipini kabul etmek mecburiyetinde olduğumuzumu ifade eder? Aceba hangisi daha iyidir: asrın ruhuna göre hareket etmek ve zamanın icabatına uyarak bizi daha çabuk ve zararsız bir şekilde çızdığımız hedefe götüren yol üzerinde yürümekmi, yoksa bize koyu düşman olanların yolunu takib ederek geri dönmek ve geçirmiş bulunduğumuz kabile taksimatı devrini ihya etmekmi?

Bize göre, usus est magister optimus'den iyisi yoktur, Binaenaleyh, tarihin tecrübelerinden ders alarak muhakkak ileriye dogru hareket etmek ve bizi diger milletlerden ayıran mesafeyi mümkün mertebe kısa bir zamanda katetmege can atmak lazımdır.

Millî işimizin muvafakıyeti namına, biz bütün nazarî ve amelî hareketlerimizde eyalet — kabile, milliyetciligi prensipinden, milleti parçalıyan federalizmden değil en canlı ve en müstaker bir devlet şekli olan millî merkeziyetcilik prensipinden hareket etmek mecburiyetindeyiz.

Kabarda-Balkaryada alfabe „islahatı"

Mecmuamızın geçen saylarından birinde haber verdiğimiz kabarda alfabesinin „islahı" hakkındaki tefsilatı yalnız şimdi, Mihail Talpa adlı birinin „Şimalî Kafkasya bolşeviki" gazetesinde (17-2-1937) çıkan makalesi sayesinde öğrenmek imkânını elde ediyoruz. Okuyucu hatırlıyorsa, mes'ele sovyet hükûmetinin, kabarda alfabesini latıncadan rusca esasa geçirmek kararına taalluk ediyordu.

Talpanın beyanatına göre bu geçiş „artık bitmiş sayıla bilir". Talpa kendi makalesinde „islahatı" doğru çıkarmağa ve yerinde bir islahat olduğunu isbata çalışıyor. Bunu yapamıyor. Yapamyor, çünkü bir müddet evvel bu gibi temayüller sovyet matbuatı sahyfelerinde „büyük rus devletçiliği şövenizmi„nin tezahüratı gibi telakki edilmekte idı. Meselâ 1931 de „Millî kitab" adlı aylık mecmuanın 7 nci sayısındaki baş yazıda deniliyordu, ki:

„Milliyet mes'elesinde siyasî egintiler alfabe kuruluşunda dahi yer buluyor.

Meselâ, büyük devletçilik şövenizmi sovyetler birliği milletlerine rus grafikasını zorla kabul ettirmeğe çalışıyor, ileride giden milletlerin (yâni: rus milletinin—D.) dillerindeki harfların sayısından fazla harf kabuluna yol vermiyor, ve neticede geri milletlerin dillerindeki millî hususiyetleri ihmal edilmiş oluyor". (seyrekleştirme her yerde bizimdir.—D.).

Bu parçada, bugün kabarda dili üzerinde yapılmış olan her şey muaheze edilmektedir. Okuyucunun aşağıda göreceği gibi, kabarda diline rus grafikası zorla kabul ettirilmiştir ve rus dilinde olan „harflardan çok harf kabul etmemek için" „islahatçılar" kabarda dilindeki işaretlerin sayısını azaltmışlardır. Bununla da yalnız dilin „millî hususiyeti ihmal edilmemiş, doğrudan doğruya ruslaştırma icra edilmiştir.

Talpaya kalırsa islahat hakkındaki fikir, bütün sovyetler komünist fırkasının Kabarda—Balkar muhtar vilayeti komitesinin kâtibi olan „cep neşriyatın Stalin"—Betal Kalmıkofun „âkılâne" kafasında uyanmıştır. Kalmıkofla icraiye komitesi reisi Çerkesof dahil olmak üzre azasının yalnız yüzde üç nisbeti (3%!) „yerli milletten" olan bütün sovyetler komünist fırkasının vilayet komitesi kendi kâtibinin teklifi üzerine geçen yılın Mayısında kabul ettiği kararda deniliyor ki:

„Latınlaştırılmış kabarda alfabesi, Kabarda—Balkarya emekçilerinin medenî seviyelerinin umûmi yükseliş devri olan bugünkü merhalede, kültürün inkişafda devamına mâni olan bir çok noksanlara mâliktir. Bu noksanlar ayni zamanda kabarda milleti tarafından rus dil ve kültürünü ve rus ahalisi tarafından kabarda dil ve kültürünü öğrenmeğe mâni oluyorlar."

Ona göre karar veriliyor ki:

„Kabarda yazısı bugünkü latınlaştırılmış esastan, rus milletile Kabarda-Balkarya, milletlerinin yakınlaşmalarını ve kültürlerinin mütekabilen zenginleşmesini temin edecek rus grafik esasına geçirilsin".

S.S.S.R. de, mahiyet itibarile rus milletinin medeniyetinden ibaret olan, içce sosyalistik, yalnız şekilce millî bir tek „proletarya kültürü" yaşamak hakkını haiz iken, Betal Kalmıkofun yolbaşçılığı altında „Kabarda—Balkarya milletlerinin" rus milletinin kültürunü nasıl „zenğinleştirecegini" tasavvur etmek çok zordur. Buna mukabil, ruslaştırılmış alfabenin, Kabarda—Balkaryada ve bütün Şimalî Kafkasyada russifikatorların pozisyonlarını daha ziyade tahkim edecegine şüphe yoktur.

Talpanın tasvir ettigine ğöre yeni Kabarda alfabesi şu şekildedir:

„Rus grafikası esası üzerine tanzim edilen kabarda alfabesi istisnasız olarak rus alfabesinin bütün harflarından istifade ediyor. İlave olarak yalnız bir apostrof ile tekmil edilmiştir. Bu ilaveye ihtiyac var, çünkü apostrof kabarda dilinde çok aktiv olan bogazdan gelen yedi hususî sesi işaret etmek için lâzımdır.

Kabarda dilinde olan bütün sesler rus dilindeki ayni harflarla işaret edilmektedir, müstesna olarak Л Щ Ы, buraya dahil değil, çünkü bu sesler ruscadakinden başka türlü teleffuz olunuyorlar".

Bundan sonra Talpa yeni aflabenin „yalnız 33 harftan" ibaret olduğunu kaydediyor. Yalnız bu 33 harfa „bogazdan gelen" 7 sesin de dahil olub olmadığını yazmıyor.

Tolpanın anlattığına göre rus alfabesinin kabuluna sebeb latınlaştırılmış alfabenin aşağıdaki noksanları olmuştur:

„— Çok harflılığı. Alfabe 46 tek ve 9 koşa harftan ibarettir. Bu işaret çokluğu, tedris esnasındaki müşkülattan başka bir çok başka müşkülat dahi yaratıyor (meselâ yazı makinesi için harflar yaratmak isterken).

— Alfabenin karışık olması. „Latın esası" — yalnız sözdan ibarettir. Alfabedeki 46 harftan yalnız 18 tanesi latınce olub latıncedeki manayı ifada ediyordu, 5 latın harfı başka manada idi, biri—alman alfabesinden 4-ü—ruscadan alınmıştır, 18 harf ise latın esasile hiç bir münasebeti olmayan yeni yapılmış işaretler idi.

— Bir çok harfların grafik müşkülatı. Cizği, harfların muhtelif kısımlarını eğmek v. s. gibi bir çok tefrik edici işaretlere müracaat etmek icab ediyordu. Harfların bir çoğu birbirlerine benzedikleri için çapuk yazub okumak zor oluyordu".

Latınlaştırılmış alfabe aleyhinde olan bu yazısında Talpa bilerekten mugalete yapıyor, çünkü alfabede harflar 55 değil, 45 dir, bunlardan da yalnız 6 tanesi koşadır. İkinci ve üçüncü maddelerdeki noksanlar ise alfabe yapılırken de gösterilmişti ve istenilseydi kısmen bu noksanlardan kaçına bilirdi, bunun için de latın alfabesinden yalnız 18 harf değil, hepsi

alınırdı. Bizce, Moskvadan „dil işleri" için gönderilmiş ve Şimalî Kafkasyanın başka mıntakalerinde dahi komisyonların alfabe işlerinde iştirak etmiş olan Prof. Yakovlef, alfabenin müellifi sıfatile, bilerekten böyle büyük ve noksan alfabe yapmıştır. Ve böyle bir şerait içerisinde rus alfabesine geçmenin kolay olacağını düşünmüştür. Eğer prof. Yakovlefin iptidade rus alfabesı taraftarı olduğunu ve yalnız şimalî kafkasyalı muhafilin tazyiki altında latın esası üzerine alfabe tanzimine giriştiğini nazara alacak olursak yukariki ihtimalimiz bir kat daha kuvvet bulmuş olur. Şimalî Kafkasya alfabelerinin bir birinden farklı olmaları ve bu alfabelerin birleşmesine imkân verilmemesi de Yakovlef ve başka rus „mütehassis dilcilerinin" tesirlerile izah edilmelidir.

Gördügümüz gibi, istediklerini elde etmişlerdir. Rus alfabesinin kabulunu, Şimalî kafkasyadaki alfabeleri islah etmek arzusu ile izah etmeleri için her imkâna mâliktirler.

Hakikat halde ise bu, Şimalî Kafkasya dillerini temamile ruslaştırmaga doğru atılan yeni adımdan başka bir şey değildir.

Rusca üzerine kurulan yeni alfabe kabarda dilinin seslerini 45 den 40-e endiriyor, rus alfabesinin 33 harfile, „bogazdan gelen sesleri" işaret için gene ayni alfabeden alınmış 7 apostroflu harf da dahil. Bu suretle rusca ile yaklaşmak için, kabarda dilinin (daha doğrusu adığe dilinin kabarda şivesi) tabiatı tahrif ediliyor. Bundan başka rus alfabesi, umumiyetle rus kültürünün „inorodesler" (rus olmıyan milletler) içine girmesini kolaylaştırıyor. Bu mes'elede bolşevikler, çarlık devrinde „inoredesler" içinde çalışan ortodoks misionerlerini aynen kopye ediyorlar. Talpaya göre „rus ve kabarda yazılarının birleştirilmesi büyük siyasî ve medenî ehemmiyeti haizdir, bütün sovyetler komünist fırkasının vilayet komitesi ise kararında „kabarda milletinin rus dil ve kültürünü banimsemekten" bahsediyor. Edil-Ural ve Türküstan milletlerini „medenileştirmekle meşğul olan" maruf misioner İlminski dahı ayni esastan hareket ediyordu, ki" rus olmıyan milletlerin rus dil ve kültürünü kolayca öğrenmeleri için rus alfabesi bir vasıtadır. Bu vasıta ile Rusyada yaşayan muhlelif kabileler hakim rus milletile birleşe bilirler."

Şimalî Kafkasya alfabelerinin ruslaştırılması yalnız kabarda yazısının „islahi" ile bitmiyor. Ayni şekilde islahat için muhtar Çerkes vilayetinde dahi hazırlık yapılmaktadır. Talpa „balkar alfabesinin de rus esasına geçirilmesi için hazlrlıklar yapılmakta olduğunu" ilave ediyor.

Bu son malumatı nazara alarak „Krasni Karaçay" ın son kânun ayında haber verdiği „karaçay, balkar, nogay ve kumuk orfografilerini yakınlaştırma ve sadeleştirme işlerinin" („Şim. Kafkasyanın" 33 ncü sayısına bakılsın), Şimalî Kafkasyadaki türk şivelerinin de rus alfabesine ğeçirmekten ibaret olduğunu cesaretle iddia ede biliriz. Bu da Azerbaycanda, Türküstanda, Edil-Uralda ve Kırımda tatbik edilmekte olan „yeni türk alfabesinin" likvide edilmesine hazırlanma demektir. Çünkü karaçay, balkar, nogay ve kumuklar arasında tatbik edilen işte bu alfabedir.

Bu şerait içerisinde „latınlaştırılmış" başka alfabelerin de aynı akibete düçar olacaklarına söz yoktur.

İhtilâlden evvelki Rusyanın „en liberal" (İlovayskieye göre) maarif nazırı olan feldmarşal Milütin leh alfabesini ruslaştırma hakkında kendisine takdim edilen projeyi gözden geçirerek şu rezolusyonu koymuştu: kılıcla başlayan işi alfabe ikmal etmelidir".

Rus olmıyan milletlerin alfabelerini ruslaştıran bolşevikler ayni esastan hareket ediyorlar. Çarlık Rusyanın „sınanmış" metodları kızıl Moskva tarafından „sovyet kuruluşunun" bütün sahalerinde bütün şümulu ile ihya ediliyor, bununla da kızıl imperyalizmin hakikî çehresini bir az daha çok ifşa ediyor.

MATBUATIN iCMALi

Âlimin pembe gözlügü arasından

Neopol Şark Enistitusu tarafından neşredilen „Annal„nam mecmuanın 1936 Haziran tarihli nushasında ayni „Kafkasya" mevzuuna—Hevsur ve Hazerlerin menşe ve geçmişine dair üç mekale tahsis edilmiştir. Birinci mekalenin muharriri dr. Naftula Fayner, ikinci ve üçüncü mekalenin muharriri de Enistutu müdürü prof. Bernardo Barbiellini Amidei'dir.

Dr. Fayner'in mekalesi „Sull'origine dei Chefsuri" başlığını taşımakta ve başlıktan görüldüğü vechile hevsurların menşeinden bahsetmektedir. Dr. Fayner tarihî, lisanî, kavmî v. s. materyalları tahlil ederek hevsurların hazerlerden geldigi neticesine varmaktadır. Bunu yaparken muharrir bugüne kadar hevsurlar arasında göze çarpan yahudilik, islamiyet, hıristiyanlık ve pütperestlik gibi dört dinin yapmış olduğu tesirlerin izlerine bilhassa ehemmiyet vermekte ve bu hadiseyi Hazer hanlıgında mevcud olmuş vaziyetle karşılaştırmaktadır. Muharrire göre, bu cihet, hevsurlarla hazerlerin ayni şey olduğunu isbata yarar en kuvvetli bir delildir.

Prof. Barbiellini-Amidei ise „I Chevsuri" başlıklı mekalesinde hevsurların menşei hakkında başka bir mülahaza ileri sürmektedir. Profesore göre, hevsurların ecdadi Avaristan'da Bejit mıntakasında yaşamış ve kadim zamanlarda tek abhas-çerkes-çeçen-lezgi dil ailesine mensub olmuşlardır. Bu aile bilahere parçalanarak bir taraftan karaçay (türk) ve osetin (iran) diger taraftan da gürcü—yafetid kolunu teşkil etmişlerdir.

Muharrir diyorki:

> „Muhtelif menşeden gelen bu gelmeler, en mühim geçitleri ve bu geçitlere aid mıntakları işgal ederek bu suretle buralarda evelce mevcud olmuş milletlerin zincirindem bir dügümyaratmış ve abhaz-çerkes grupunu çeçen-lezgi grupundan

ayırmıştır. İşaret ettigimiz geçitlerin mıntakalarında meskûn olmuş ehali dil ve dinî kült unsurlerini muhafaza edebilmiştir ki, bu suretle onların burada evelce yaşamış bulunan kavmî grupla ayniyetini tesbit etmek imkânı kolaylaşıyor. Bu mülahaza svanet ve hevsurlara aid dir. Gürcü akınından evvel hevsurların tarihî mevcudiyetlerine aid vak'a, hevsurların XVIII-ci asırda Aga Mehmet Han'ın Gürcüstan'da yaptığı takıbattan kaçarak Kafkasya'nın en yüksek kısmında saklanmış olan gürcülerden geldigi hakkındaki nazariyeyi temamen rededer mahiyettedir".

Prof. Barbiellini „I Chazari" başlıklı ikinci mekalesini hazerlere tahsis etmektedir. Mekalenin mühim kısmı Hazer emperatorluğunun tarihî hülâsasına ayrılmıştır. Muharrir hazerlerden bahs ederken çerkes ve kabardinlerin (ki bunları muharrir, müşterek kabile unvani olan „adige" ye ragmen anlaşılan ayrı kavmî gruplar zanediyor) „hazerlere ırken ve harsen akraba olduklarını „kaydediyor.

Mevzuu bas ettigimiz mekalelerin ilmî kısmi — ki bir çok orijinal, lakin kanaatbahş olmıyan mülahazalar vardır—kısaca işte bundan ibarettir. Bundan başka prof. Barbielli-Amideinin mekalesinde aktuel siyasî bir kısım dahi mevcuddur. Professor hevsurlar hakkındaki mekalesini işte şu satırlarla bitirmektedir;

„Sovyet hükûmeti, hevsurlar arasında tarihî—kavmî—lisanî tetkıkler yapmak hususunda hakıkaten, çok iş yapmışdır. Denebilirki Sovyetler, Kafkasya sivilasyonunu ilmin malı etmek için hususî bir gayret ve ihtimam göstermişlerdir. Çarlık rejimi tarafından en kaba bir tazyik ve adaletsizlikle terrorize edilen mıntakalar, bugün birer ilmî tetkik mevzuu haline gelmiştir: siyasî hakimiyet, yapacağı işin dağlılara zarar vermiyecegine temamile emin olmadıkca hiç bir adım atamaz.

Bütün bunlarla beraber, tahsil ve irfanın geniş surette yayılması sayesinde teokratik-feodal kuvvet, hakimiyetini kaybetmiş, her şeyden evvel köy iktisadiyatı yardım teşkilatının iyice kuruluşu sayesinde içtimaî şerait dahi iyileşmiştir.

Sovyet hükûmeti, Kafkasyayı, Şimalî Kafkasya'nın bayırları üzerinde ziraî—askerî kolonilerin sayısını artırmakla değil, dağlı ehalinin sadakatı sayesinde (la fedeltá delle popolovioni montanare) daha kolay elde bulunduracağını temamen anlamıştır.

Bunun içindirki sovyet âlimlerinin misyonu harabeler ve kağıdlar arasında her şeyin izahını arıyan pigmey tarihcilerinin semeresiz mektabine çevrilmemiştir: başta Marr olmak üzre bu âlimler, sovyet hudutlarını, Terek ve Kuban kıyılarında kazak eşkiyalarının çar için yaptıklarından daha fazla emniyet altına almışlardır.

Bu, serapa bir ilimdirki bundan bir hazine yapmak lâzımdır."

Bütün bunlar 1936 senesinde, bütün Kafkasya'da yer bulmuş büyük küçük, devamlı millî isyanlardan; „erzak vergileri"nden ve kollektivize sıralarında açıkca yağmadan, „ecnebileri" „ilmî" ruslaştırma işile ugraşan sovyet Marr'larının ilmî sahahaki faaliyetlerinin asıl maksadı, iç yüzü ortaya çıktıktan sonra yazılmıştır. Dahası var: 1936-de dirki sovyet hükûmeti Terek ve Kuban kıyılarındaki kazak „eşkıyaları„nı yeniden teşkil işine başlamış; gene bu yılda dırki bütün kafkasya cumhuriyetlerinde bu sefer daha büyükler arasında küllî mıktarda bulunan ve en sadik milliyetci—komünist adedilen „burjua—milliyetcileri„ni yeniden takib işi başlamıştır.

Hakıkaten de prof. Barbiellini-Amidei, Kafkasya'nın bugünkü vaziyetine bir kabine âlim—nazariyecinin fazlaca pembe gözlügü arasından bakmaktadır.

„Almanya ile Rusya arasında"

Varşavada iki haftada bir çıkan „Bunt Młodych" (№ 2-25.I-1937) gazetesi geçen sayılarından birindeki baş yazısına bu başlığı koymuştur. Makale, Katovits'de çıkan „Polonia" gazetesinde ayni mevzu etrafında açılan ankete iştirak edenlerle munakaşaya hasredilmiştir. Geçen yıl maruf pianist Paderevski, general Haller, sabık baş vekil ve köylü fırkası lideri Vitos ve, yukarı Silezianin leh kısmında vaktile çok maruf olan „ hırıstıyan demokratlar" lideri Korfanti gibi muhalif leh liberalleri tarafından teşkil edilmiş „Front Morj"e*) yakın olan „Polonia" gazetesinde, ankete iştirak eden general Kukel'in vardığı neticeleri tahlil eden „B. M." diyor, ki:

„ Biz bilmeliyiz, ki Lehistan er-gec ya Almanya ile Rusyaya karşı ayni zamanda harbi, veyahud bu iki devlet arasındaki ihtilafı intihab etmek mecburiyetinde kalacaktır. „Front Morj"-un tervic ettiği siyaset ayni zamanda hem Almanyaya, hem de Rusyaya karşı müdafaada bulunmak lüzumuna götürüyor, ki katastrof demektir. Halbuki Alman—rus husumeti Lehistan için tarihî bir şansdır, zira bize bir düşman elile öteki düşmandan kurtulmak imkânını veriyor."

Bundan sonra, Rusyayı mağlub edecek Almanyanın Lehistan için tehlikeli surette kuvvetleneceği iddiasına itiraz ederek diyor, ki:

„Almanya — Rusya muharebesi müzafferane yürüyüşten ibaret olmıyacaktır, bilakis neticesi belli olmıyan büyük bir cesaret olacaktır. 170 milyonluk SSSR-in Almanya tarafından kolayca „zabtedileceğini" zannetmek de doğru değildir. Büyük İskenderle Dara zamanlarından 2200 yıl geçiyor. Rus sarsıntısının yegâne doğru neticesi sovyet Rusyanın bir çok millî devletlere parçalanması olurdu. Bunlardan bâzılarının Almanya ile sıkı münasebette bulunacakları doğrudur. Fakat bu yeni kurulacak devletlerin kendi aralarında münasebetleri o kadar düşmanca olacak, ki birinin Almanya ile bağlılığı ötekileri Almanya ve müttefiklerine karşı savaşa sevkedecektir. Bu suretle şark komşumuz birbirini mütekabilen tecrid eden bir çok devletler haline gelecek ve bâzı bakımdan bizim için esasen yaşamıyacaktır. Lehistan için çok faydalı olan

*) „Front Morj"anlaşmanın imza edildiği ve Paderevskinin daima İsveçrede yaşadığı Morj (Morges) şehrine izafeten verilmişir.

Almanya—Rusya ihtilafı baş verince Lehistanın devleti menfaatı şunu takib etmelidir: biz Rusyanın bir çok millî devletlere parçalanması lüzumunu nazarda tutmalıyız."

Rusya çöktikten sonra meydana gelecek devletlerin kendi aralarında münasebetleri „o kadar düşmanca" olacakmı? Bunu gelecek gösterir. Aydın olan şudur, ki Lehistan, kendi geopolitik vaz'iyetine göre, bu yeni devletler arasında daima kendisine müttefik bula bilecektir.

İtalya matbuatı „Promete" milletleri hakkında

Bir müddetten beri italyan matbuatı Rusya esiri milletlere hususî bir ehemmiyet vermeğe başlamıştır. Bu hadise yalnız İspanya hadiseleri üzerine gerginleşen İtalya-Sovyet münasebetleri neticesi olmayıb İtalya efkâri umumiyesinin SSSR deki hakikî vaz'iyeti gittikce daha eyi kavramağa başlaması neticesidir, ki bu işde de promete milletlerinin millî teşkilatları tarafından yapılan propağandanın rolu az olmamıştır.

İtalyan matbuatının bir dereceye kadar yeni olan bu haleti ruhiyesile okuyucularımızı tanış etmek için aşağıdaki parçaları naklediyoruz.

Meselâ, Romada intişar eden „La Piazza" (25 2-1937 № 5) gazetesinde „Terror devletinde siyasî degişmeler" başlığı altında uzun bir makale yazan mevsuk malumatile tanınmış Francesco Taddei yazısını şöyle bitiriyor:

„Böyle bir savaş ve terror havası içerisinde (muharrir bundan evvel SSSR deki umumî vaz'iyeti etraflı surette tahlil etmiştir) Sovyetler birliği milletleri bir sarsıntı veyahut bir harbdan başka hiç bir şey beklemiyorlar. Normal vaz'iyette bütün ihtilâl teşebbüslerini şimdilik kanda bogan G. P. U. celladlarına nisbeten harb yegâne bir fırsat olurdu. Şunu da kaydedelim, ki bu günlerde Moskva düşmanı olan milletlerin Cenevrede ortak çıkışlarına şahid olduk.*) Azerbaycaan, Kareli, Şimalî Kafkasya, Kırım, Don, Gürcüstan, Edil-Ural, İngria, Kuban, Türküstan ve Ukrayna milletlerinin iştirak ettikleri bu protesto Moskvanın İspanya hakkında müthiş projelerini ve gittikce askerî mühimmat ve kadronun daha fazla gönderilmekte olduğunu ifşa ederek „Moskva esaretinde inliyen milletlerinin acınacak vaz'iyetlerine" Cenevrenin nazari dikkatını celbediyor. Protesto Milletler Cemiyetine, istiklâlleri Moskva tarafından dahi hukukan tanınmış olan bâzı milletlerin bolşevik esaretine düşdüklerini ve bunun da İspanyadaki müthiş muharebeyi seyretmek suretile bütün dünyanın anlıyacaği şerait içerisinde ceryan ettiğini hatırlatıyor.

*) „Promete" teşkilatının Milletler Cemiyetine verdiği geçen sayımızdaki muhtırası.

Protesto bundan sonra, Avrupada ve bütün cihanda sulhun berpası için Sovyetler birliği milletleri arasında, Saarda yapıldığı şekilde, reyam yapılması lâzım geldiğini ve bu teklifin Milletler Cemiyetinin yakın ictimalerinden birinde müzakereye vazedileceğine ümid olunduğunu kaydetmektedir.

Burada anlamadığımız bir, şey varsa o da mes'ul kreml hakimlerinin adları zikredilen milletlerin arzularına niçin muhalefet ettiği ve bu surette de dahilî ihtilâle veyahud harba yol açtığıdır...*) Harba gelince Moskva imperyalizmi bundan yakasını kurtaramıyacaktır. Çünkü ne İtalya, ne de Almanya Sovyetler birliğinin muhtemel büyümesine, bilhassa Avrupada, hiç bir zaman tahammül edemezler.

* * *

„Roma Fascista" (11-2-1937 № 16) gazetesinde Giacinto Trevisonno, Stalinle Voroşilof arasındaki ihtilafa hasrettiği makalesini şöyle bitiriyor:

„Zafer daha hiyleger ve güçlu olana nasib olacaktır, fakat her halde Sovyetler ittifakına nasib olmıyacaktır. O ittifaka giren milletler dahi kendi hesablarına yapılan caniyane „in corpore vili" eksperimentinden bezmişlerdir. Kanlı diktator için ölmekten ise doğma vatan için ölmek daha şereflidir. Ayni sovyet cenneti ihtiraçileri tarafından çarizme karşı hayata çıkarılmış olan cumhuriyetler SSSR den ayrılmak için mücadeleden istifade edeceklerdir. Komünizmin, kendi evinde icra ettiği inhilâlin sür'atını artırmak ölüm darbesile bolşevizmin varlığını sarsmak lâzımdır."

* * *

„Roma Fascista" nın aynı sayısında vaktile „Promete" cemiyeti tarafından neşredilmiş olan Sovyetler birliği haritası dahi basılmıştır. Gazete haritaya şu sözleri ilave etmiştir:

„Ukrayna, Belorusya, İngria, Kareli, Komi, Sibirya, Yakutlar, Yeni Ukrayna, Buryatlar, Türküstan, Edil-Ural, Don Kazakları, Şimalî Kafkasya, Gürcüstan, Azerbaycan—SSSR i teşkil eden ve Moskvadan ayrılmağa can atan milletlerin mozaikasını vücude getiriyorlar. Bu kısımlardan her birinde, başında sovyet hükûmetlerinin ve komünist fırkasının resmî mümessilleri duran geniş millî hareketler devam ediyor. Bu millî hareketler aynile çarlar devrinde olduğu gibidir. Görüyoruz, ki hiç bir şey degişmemiştir: çarlık merkezi olan Moskva sovyet imperyalizminin merkezi haline gelmiştir. Cumhuriyet payesine yükseltilmiş olan eski vilayetler gene Moskvanın birer vilayeti telakki edilerek öyle idare olunuyor. Moskvanın yırtıcı ve kanlı metodlari tezatları bir kat daha derinleştirmiştir."

*) Burada makalenin nakletmediğimiz bahsile bağlı cümleyi bırakıyoruz.

О непоследовательном редакторе

Последовательность не является качеством, присущим журналу „Кавказ“ и его руководителю. То, что для г. Баммата и его сторонников может сегодня казаться логически ясным и понятным, это завтра на тех-же страницах ж. „Кавказ“ может быть представлено в совершенно ином освещении. Характерной в этом отношении является передовица в апрельском номере под заглавием „Польша и угнетенные народы СССР“, в которой г. Баммат ставит под сомнение искренность симпатий польской общественности в отношении угнетаемых Россией народов.

Исходным пунктом для передовицы послужила, с одной стороны, статья г. Тадеуша Радваньского, напечатанная в № 32 нашего журнала, а с другой — часть заметки г. Чарнецкого, перепечатанная нами из еженедельника „Przegląd Katolicki“ в № 31-м.

Этот в конце концов случайный материал, отражающий взгляды представителей двух различных секторов польской общественной мысли (Польша, как известно, не является тоталитарным государством) и выявивший различный же подход к польской методике разрешения проблемы т. н. Восточной Европы, послужил г. Баммату для конструкции всех его рассуждений.

Рассуждения эти не отличаются, надо признать, ни глубиной мысли, ни знанием предмета и ни присутствием такта, так необходимого для всякого политика, и тем более для политика, считающего себя незаурядным дипломатом, как это мнит о себе, вероятно, автор передовицы. Правда, всеми этими свойствами передовицы ж. „Кавказ“ никогда не грешили. Но на этот раз подгулял и стиль, восполнявший то, что отсутствовало в них в области мысли и творческих концепций.

Автор, как мы отметили, старается возбудить в своих читателях сомнения в искренность симпатий Польши по отношению угнетенных Россией народов, в искренность ее антирусских настроений. Польшу он выставляет в качестве страны, которая «„умывает руки“ в споре, где речь идет о жизни и смерти угнетенных народов». Определяя политические позиции Польши, он говорит, что «в Советской России она желала бы заморозить существующий режим и территориальное статус кво еще на много лет». Мало того, исходя из однобокой концепции г. Чарнецкого, он приписывает польской общественности сугубый эгоизм, отрицание принципа взаимности в отношении угнетенных народов, желание рассматривать проблемы этих народов исключительно в аспекте собственных эгоистических целей. Все это, по мнению автора передовицы, не способно «внушить независимым (?) патриотам твердой веры в то, что у Польши действительно есть воля и возможность сыграть ту блестящую роль, которую хотели бы ей отвести некоторые польские друзья угнетенных народов России».

Как известно, Сталин, Милюков, Керенский, Деникин и пр. поборники „единой и неделимой России“, компетенцию коих мы в данном случае ставим выше компетенции редактора ж. „Кавказ“, смотрят иначе на роль Польши в предстоящем разрешении проблемы т. н. Восточной Европы. Но вся суть в том, что иначе на этот вопрос смотрел и сам автор передовицы, а главное смотрел совсем недавно, не полных три года тому назад.

Три года тому назад в № 8-9 (август-сентябрь 1934 г.) ж. „Кавказ“, в статье „Польское общественное мнение и кавказская эмиграция“, по теме почти аналогичной передовице в апреле т. года, г. Баммат стоял на совершенно иных, диаметрально противоположных позициях. Он тогда считал, что —

> «...Польские симпатии к Кавказу, как и искреннее тяготение кавказцев к Польше не новость.
>
> Это своего рода историческая традиция.
>
> Восходит она к той героической эпохе, когда лучшие сыны Польши и Кавказа, борясь за независимость Родной страны, протягивали друг другу руки через голову общего врага и угнетателя...»

И немного далее:

> «...Имена польских патриотов, отдавших свои силы и таланты борьбе за свободу Кавказа, — достояние нашей национальной истории.
>
> В благодарной памяти наших народов они никогда не умрут. Созданные ими между Польшей и Кавказом узы — неразрывны...»

И еще:

> «...Как и Польша, Кавказ, по своему географическому и стратегическому положению, является **необходимым элементом** (разбивка здесь и далее наша) подлинного мира и сотрудничества народов Востока Европы...
>
> ...Настанет день, когда Польша и независимый Кавказ, спаянные общностью национальных идеалов, связанные важнейшими политическими интересами, будут выступать на международной арене, как естественные и верные союзники, на страже нового правопорядка, возникшего на развалинах поверженного коммунизма...
>
> Так мыслим мы вопрос о взаимоотношениях Польши и Кавказа.
>
> И не со вчерашнего дня...»

Здесь автор совершает экскурс в недавнее прошлое, когда он в 1918 г. из Берна «обращал свои взоры к Польше», и затем продолжает:

> «...Прошло почти шестнадцать лет... Польша выросла в великое государство. Кавказ, истерзанный и униженный, корчится под пятой красной Москвы...
>
> Но не произошло никакого изменения ни в нашем понимании стоящих перед Кавказом исторических задач, ни в наших сердечных чувствах к Польше.
>
> С глубоким удовлетворением следим мы за усилением ее государственной мощи, за ростом ее политического значения.
>
> Искренно и бескорыстно радуясь ее успехам,

мы, конечно, не можем не отдавать себе отчета и в той важной роли, которую может и, думаем, должна сыграть Варшава, когда настанет решительный для судеб нашей Родины час...»

Так писал редактор ж. „Кавказ" в августе 1934 года; из этого исходил он, по его словам, и 19 лет тому назад. Но в 1937 году, как мы видели, он пришел к совершенно противоположным выводам.

Комментарии, думаем, здесь излишни. Следует лишь посоветовать друзьям автора передовицы задать ему вопрос — когда же он был искренен: девятнадцать и три года тому назад, или сейчас, когда он видит, что польская общественность, к которой он неоднократно аппелировал в своем журнале, не расположена оправдывать его метод „национальной" работы?

* * *

Непоследовательность редактора ж. „Кавказ" можно иллюстрировать и другими фактами. У него, например, весь неоднократно подчеркиваемый „независимый патриотизм", который кстати признается им только за сотрудниками ж. „Кавказ", сводится по существу к разрешению проблемы режима в СССР. Называя себя и своих товарищей «независимыми патриотами», он считаеть возможным в той же самой передовой проповедывать, что для угнетенных народов «единственным смертельным врагом» является «Советская Россия». Иначе говоря, адепты «независимой национальной мысли» из ж. „Кавказ" Россию, например, Милюкова и Керенского, или „царя" Кирилла и Кязим-Бека не склонны считать не только смертельным врагом, но, вероятно, врагом вообще. В таком подходе к проблеме национально-освободительной борьбы, нам кажется, не все в порядке. Здесь или „патриотизм" бамматовцев не так уж „независим", как это они пытаются представить, или же, как мы уже отметили, автор кудеснических передовиц ж. „Кавказ" не грешит последовательностью. Последовательный патриот должен ясно, без тумана патриотической фразеологии, определить свои позиции ко всякой России, ибо не сегодня-завтра Россию Сталина может заменить Россия Милюкова или Кязим-Бека.

Точность в формулировке позиций в отношении России является, пожалуй, тем основным признаком, который отличает „горе-патриотов" (таковыми для г. Баммата являются все те, кто не с ним; в том числе и мы), исповедующих идею прометеизма, от бамматовских молодцов, рекламирующих себя в качестве „независимых патриотов".

Прометеизм борется не только против советского режима, не только против красной России и ее идейного оружия — большевизма, который является одним из воплощений разрушительных начал, свойственных русскому духу, но вообще против всякой России, белой или красной — безразлично. Ибо нет и не будет России, которая бы добровольно отказалась от Кавказа, Украины, Туркестана и прочих насильственно захваченных ею территорий и народов, кои она систематически подвергает физическому и моральному растлению. Для прометеизма нет разницы между Россией „белого" царя, ознаменовавшей свой поход за пределы Московии миллионами человеческих жертв и океанами крови, и красной Россией Ленина-Сталина, продолжающей кровавое дело своей предшественницы.

Это основное различие между прометейским толкованием сущности национально-освободительной борьбы и толкованием ж. „Кавказ" является причиной еще одной непоследовательности его редактора: „независимый патриот" выступает в роли неменьшего „любезника", чем те «любезники из прометейского фронта», на которых в передовой он изливает давно накопившуюся желчь. Оказывается, и он усиленно ищет покровителей, больше того—высказывает «страстные симпатии» («любезники из прометейского фронта» пассуют; с такой „силой" они не высказывали еще своих чувств) всем тем, «кто громко и открыто проповедует крестовый поход» против большевизма, «кто может и хочет» действительно защитить интересы угнетенных народов. Этими силами, возбуждающими в редакторе ж. „Кавказ" немного запоздавшую страсть, являются «немцы, японцы и итальянцы» — «фашистская Италия», «национал-социалистическая Германия», «главное командование Квантунской армии». Склонен он к ним причислить и «Турцию Ататурка». Зато нет среди них Польши, которая еще недавно, как знаем, «могла и должна» была сыграть «важную роль, когда настанет решительный для судеб нашей Родины час».

Так «независимый патриот», ища покровителей, расточает любезности щедрым пером. Возможно, что из списка «мировых сил», угодных сердцу г. Баммата, будет в скором времени, по примеру Польши, исключена «фашистская Италия», ибо и тамошняя печать, как и печать польская, все чаще и чаще посвящает свои страницы „Прометею". В этом случае мы будем свидетелями еще одной, выражаясь мягко, непоследовательности редактора ж. „Кавказ".

В вопросе той или иной ориентации мы не намерены полемизировать с ж. „Кавказ". Скажем лишь, что в своих отношениях к международным силам мы руководствуемся не внутренним режимом, царящим в них, а их отношением к России и к проблеме угнетенных этой Россией наций. Силы, видящие зло в одной лишь красной России, не способны разрешить проблему Востока Европы в духе прометейских чаяний, в духе предоставления свободы всем тем народам, которые жаждут ее. Их положительное значение для нас относительно. Они лишь могут нам облегчить борьбу, если обстоятельства принудят их к вооруженной расправе с большевизмом. Таким образом, страстность наших симпатий к тем или иным международным силам регулирует их отношение к нашему врагу, степень полноты их антирусских чувств. При чем барометром этих чувств мы прежде всего считаем общественное мнение, ибо никакое правительство в мире в критические моменты истории не в силах преодолеть общественного мнения своей страны. Наконец, не занимаясь в печати политической ворожбой, не претендуя на роль всепредвидящих ворожей и будучи последовательными в своих построениях, мы основным мото-

ром международных отношений считаем не взаимное отталкивание режимов и идеологий, по своей сущности всегда преходящих, а географию народов, вечную во времени постольку же, поскольку вечны сами народы.

Мы не занимаемся политическим комивояжерством, не гонимся за дешевой рекламой, избегаем по мере сил демагогии. Наша цель — национальная независимость. Все, что действительно служит этой цели, нами приемлится и приветствуется.

Азери

Как и почему советизировался Азербайджан?

Баку был занят частями красной армии 27-го апреля 1920 года. Телеграмма Азербайджанского революционного комитета на имя Ленина, с просьбой прислать части красной армии „для поддержания восставших крестьян и рабочих", была отправлена 28-го апреля.

Согласно заявления Ломинадзе, генерального секретаря Азербайджанского революционного комитета, в январе 1920 года, бакинские рабочие находились под влиянием меньшевиков и социалистов-революционеров; что же касается тюркских рабочих — т. е., коренных азербайджанцев — то они всецело шли за партией „Мусават", и что во главе тюркской фракции Бакинского совета рабочих депутатов стоял лидер этой партии М. Эм. Расул-задэ.*)

По его же словам, среди коммунистов, работающих в подпольи, число тюрков было самое ограниченное и что среди руководителей коммунистического движения в Баку не было ни одного тюрка — т. е., коренного азербайджанца. Бакинский комитет Российской коммунистический партии большевиков в то время состоял из трех армян, двух русских и одного грузина.

Ефремов, командир блиндированного автомобиля, который первым прибыл на бакинскую станцию, рассказывая о своем походе на Баку на страницах „Бакинского рабочего" от 28 апреля 1925 года за № 93, говорит, между прочим, следующее:

„20-го апреля дух красной армии был приподнятый; 24-го апреля, будучи в Грозном, от революционного совета 11-ой армии получил телеграфное распоряжение прибыть в Порт-Петровск. Вечером с военкомом Дудиным прибыли в ставку и были приняты командующим. На другой день ставка переехала в Дербент. Около 7 часов, прибыв в лагерь, встретился с командующим армией. Он передал мне постановление военного совета, на основании которого я должен был в кратчайший срок занять гор. Баку."

Далее Ефремов, довольно обстоятельно рассказав о том, как 11-ая советская армия вечером переходила границу, ведя бои по пути следования, в заключении пишет: „24 часа 27-го апреля—телеграммой на имя командарма 11-ой армии Левандовского сообщил о взятии гор. Баку".

Своим рассказом Ефремов не только в корне уничтожает большевистскую легенду о „восстании азербайджанских рабочих и крестьян, призвавших красную армию на помощь", но и довольно выпукло отмечает истинную цель оккупации Азербайджана красной армией. Он говорит тоже самое, что в свое время сказал Радек на об'единенном заседании 3-х интернационалов в Берлине в оправдании захвата Грузии Советами, а именно: „Красная армия ежеминутно ждала приказа двинуться на Баку, на эту последнюю цитадель буржуазии... ибо Советская Россия сильно нуждалась в неисчерпаемых колодцах черной крови — т. е., нефти".

Впрочем, теперь, ни способ советизации Азербайджана, ни цель оккупации этой страны большевиками так строго и не маскируются. В юбилейном письме, адресованном год тому назад „отцу советских народов - товарищу Сталину" за подписью „трудящихся Азербайджана", о факте советизации страны говорится следующее:

„Под знаменем большевистской партии, на основе твоих указаний, непосредственно руководимые твоими соратниками Серго Орджоникидзе, Сергеем Мироновичем Кировым, Анастасием Микояном, азербайджанские рабочие и крестьяне подняли вооруженное восстание против гнета мусаватистов и в апреле 1920 года, при поддержке русского пролетариата и его доблестной красной армии, установили в Азербайджане рабоче-крестьянскую власть". („Бакинский рабочий" № 299 (4799), 30·12·35).

В этом абзаце, кроме слов „азербайджанские рабочие и крестьяне подняли вооруженное восстание", все на месте. По указанию Сталина его сотрудниками, к тому же членами ревоенсовета 11-ой армии, при „поддержке героического русского пролетариата и его доблестной красной армии", Азербайджан присоединен к Советской России!...

При чем тут рабочие и крестьяне Азербайджана?!...

Характерно, что даже среди сотрудников Сталина, руководивших „восстанием в Азербайджане", не было ни одного азербайджанца. Местные же коммунисты, на штыках красной армии пришедшие к власти 17 лет тому назад, исполнявшие постыдную роль ширмы для оккупантов, уже давно преданы забвению, не оставив никакого следа в официальной истории советского Азербайджана. В „историческом письме к вождю", цитированном нами выше, о них не упоминается ни словом.

Спрашивается, что за местная революция, которая не имеет ни одного героя с местным именем?!...

Вопрос ясен: не могли быть герои революции там, где ее в действительности не было. Была оккупация и способствовавшие ей предатели, кото-

*) Журнал „Шарк-Кадыны" № 17. Баку.

рых—как известно—используют, но не уважают!...*)

Вот как советизировался Азербайджан!

Впрочем, ни революция, как таковая, ни ее герои не интересовали кремлевских заправил в Азербайджане. Их интересовало то, что особо торжественным слогом отмечалось в поздравительной телеграмме, отправленной Сталиным и Молотовым на имя Азербайджанский коммунистический партии и советского правительства по поводу 15-ти летия советизации Азербайджана, а именно:

„Ведь Союз советских социалистических республик живет черным золотом Азербайджана—нефтью. Хлопковые плантации Азербайджана из года в год дают все больше хлопка текстильной промышленности нашей стране!" („Бак. раб." № 299).

Черное золото и белый хлопок!...

Вот почему „советизировался" Азербайджан!..

*) Советские газеты недавно сообщили о судьбе этих изменников. С этими, отверженными на вечные времена азербайджанским народом, сподвижниками советской оккупации советская же власть расправилась, как с „бессовестными агентами троцкизма".

Ольгерд Найман Мирза Крычыньский

Черкесы и поляки на каторге в Сибири

Шимон Токажевский, скончавшийся в Варшаве в 1890 году, был за участие в освободительном движении сослан в 1848 году на каторжные работы в Сибирь. Из опубликованных после его смерти воспоминаний, мы узнаем, что в 1849 году Токажевский, в числе группы 12 поляков, прибыл в Омск. Здесь осужденные поляки встретили 10 черкесов и кабардинцев, отбывающих каторжные работы. Имена и фамилии их были следующие: 1) Алибек Али Ферды оглы, 2) Вели Исмахан оглы, 3) Али Исмахан оглы, 4) Мамед-хан Мухаммед-хан оглы, 5) Нура Шахмурза оглы, 6) Керим Нияс оглы, 7) Реджеба Канбалай Хассан Хуссейн оглы, 8) Мамед Мустафа оглы, 9) Абдул Арстанбек, 10) Мулла Хаджи-Мухаммед Хассан Хуссейн оглы.*)

Как оказалось, ни один из перечисленных черкесов не был преступником в настоящем смысле этого слова. Один из них убил русского офицера, который приставал с непристойными предложениями к любимой им девушке. Преступление же остальных состояло в том, что они, живя на территории, которая была оккупирована Россией, соединялись с горцами, бывшими еще независимыми, для совместных нападений на русские укрепления, посты и учреждения. Независимые горцы, захваченные с оружием в руках, расстреливались; горцы же с оккупированных территорий, считавшиеся подданными России, присуждались на долгие годы каторжных работ.

Власти поместили поляков-каторжан в одном помещении и позволили им, чтобы они выбрали себе из среды заключенных, в качестве товарищей по камере, наиболее спокойных. По просьбе поляков власти поселили с ними упомянутых выше 10 черкесов и кабардинцев. Вот что пишет о них Токажевский в своих воспоминаниях:

„Когда Васька (так прозвали плац-майора Василия Кривцова) после многих усилий позволил нам соединиться с Кабардой и когда, наконец, переселение состоялось, наша жизнь значительно облегчилась. С того момента, как мы жили с черкесами, наш каземат отличался порядком, тишиной и стал примером для всей тюрьмы.

Между черкесами и кабардинцами, с одной стороны, и нами—с другой, господствовала особенная симпатия. Черкесы, весьма слабо или совершенно еще не говорившие в это время по-русски, не умея об'ясниться с нами, как бы чувствовали, что и мы, подобно им, являемся угнетаемыми и преследуемыми. Они помогали нам при работе—нужно заметить, что они отличались чрезвычайной силой. Бывало, на кирпичном заводе, закончив назначенную им работу,—а работу они оканчивали всегда скорее нас,—они брали наши тачки, жестами предлагали нам отдохнуть и, сами будучи весьма уставшими, завершали наш урок. Черкесы были чрезвычайно деликатны в обхождении. Всегда готовые услужить, они безгранично нам верили. Если бы кому-нибудь из них я сказал: „Убей!",—он, не рассуждая, сделал бы это. Никто в присутствии черкеса не посмел бы оскорбить поляка словом или делом. Черкесы были нашими друзьями и нашими защитниками.

Среди наших товарищей-черкесов был один рассказчик—без колебаний могу его назвать рассказчиком превосходным. Обыкновенно, обращаясь к нам, он начинал рассказывать какую-нибудь из своих народных легенд по-русски. Но по мере рассказа, он увлекался и начинал говорить на родном языке с огромным пафосом и живой, почти трагической, жестикуляцией. Насколько мы могли понять,—скорее из жестикуляции, чем из слов,—содержание таких легенд всегда было посвящено действиям храбрецов, которые боролись с врагами своей родины, боролись до тех пор, пока жестокая схватка не оканчивалась победой и триумфом или же смертью героя-

*) О 6 человеках из этого числа писал в „Записках из мертвого дома" Достоевский, о котором пишет и г. Найман Мирза Крычыньский в заключительной части своей статьи. Из изложения Достоевского видно, что термин „черкес" употреблялся в отношении заключенных в качестве собирательного этнического наименования, так как наряду с названием „черкесы" Достоевский употребляет и „кавказские горцы", а при определении более точной племенной принадлежности пишет, что „их было: два лезгина, один чеченец и трое дагестанских татар" (татарами русские называют часто всех северокавказцев и вообще мусульман, так что трудно определить — кого Достоевский подразумевал под „дагестанскими татарами")—Р-ция.

храбреца. Во время таких рассказов черкесы оставляли работу, глаза их, прикованные к рассказчику, горели огненным блеском, их нежные, как у арабских скакунов, ноздри дрожали, уста их украшала улыбка или же сжимало кровавое страдание"...

В январе 1850 года из Петербурга в Омскую каторжную тюрьму был привезен известный русский писатель Достоевский. В своих „Записках из мертвого дома" и он пишет, что все поляки переживали в Омской тюрьме большие моральные мучения, держались в стороне от остальных заключенных и дружили только с черкесами, к коим относились с симпатией и любовью.

Настоящая заметка является еще одним доказательством того, насколько длительны традиции сердечных отношений между представителями народа Северного Кавказа и представителями благородного польского народа.

М. Ч.

Люди с вывороченными мозгами

В другом месте нынешнего номера читатели найдут отчет о состоявшемся недавно в Париже докладе г. Абациева, организованном милюковским РДО. Докладчик, горец—осетин, принадлежит к числу русских демократов милюковского толка и, совместно с другим осетином, неким С. Хатаевым, исповедующим „младоросские истины", составляет все то, что дала северокавкасская эмиграция в лагерь активных пособников русского великодержавия. Уже эта цифра сама по себе иллюстрирует с достаточной убедительностью, насколько мало популярны в северокавкасской среде различного рода „имперские" концепции, которыми многочисленные великодержавные сирены пытаются соблазнить представителей угнетаемых народов.

Недавний доклад не является первым выступлением г. Абациева. В 1929 году в организованном им „Союзе народов Кавказа", долженствующим быть кавкасским изданием милюковского РДО, он уже имел подобный доклад. Доклад этот в конечном результате окончился для автора полным провалом. Он не только никого не убедил, но не смог удержать при жизни и „Союз народов Кавказа", который, едва успев вобрать в свои ряды несколько человек кавказцев (2—3 осетин, 1 ингуша и 2 армян), прекратил существование. Не обескураженный неудачей пропагатор РДО'овских лозунгов в кавказской среде выступал затем еще несколько раз на страницах „Последних новостей"—всегда с одинаковым успехом. Как видим из последнего доклада, он и сейчас не оставил мысли об обращении наиболее податливых кавказцев в веру Милюкова. Но на этот раз бесцеремонных выводов агента РДО не смогли выдержать даже присутствующие на докладе армяне. Один из них, г. Джамалян, возмутившись, прямо заявил, что „лучше иметь рядом двухтысячную грузинскую союзную армию и такую же азербайджанскую, чем русские войска, которые могут уйти в критическую минуту, как делали это раньше" и что Кавказ „не может рассчитывать даже на демократическую Россию". („Посл. нов."—2 апр. 1937 г.).

Мы не собираемся полемизировать с тезисами докладчика. Скажем лишь, что г.г. Абациевым не остановить развития национальной идеи на Кавказе. „Национальная мистика" с ее нетерпимостью ко всему русскому, далекая „трезвому уму" г. Абациева, является в настоящее время уделом не только широких народных масс на Кавказе, но и огромного большинства т. н. интеллигенции, наиболее подвергшейся русскому влиянию. Если раньше кадры борцов с русским владычеством пополнялись в основном из народных „низов" и если борьба еще недавно носила характер скорее стихийного протеста против иноземного господства, чем стремления осуществить высокие национально-политические идеалы, то сейчас духом борьбы охвачены и народные „верхи", национальная интеллигенция, руководящая стремлениями масс, формулирующая эти стремления в стройную систему национальных лозунгов. И наиболее отрадным является то, что г.г. Абациевы среди кавказцев насчитываются единицами. Об этом говорит вся советская действительность на Кавказе. Кавказ по старому не пользуется доверием метрополии. По старому он насыщен огромными массами войск, среди которых представители коренных народов составляют ничтожное меньшинство (на Северном Кавказе, например, только 8 — 10%% подлежаших призыву попадает в красную армию). Как и раньше, он управляется „губернаторами" из представителей главенствующего русского народа. А самое главное это то, что наиболее ходким обвинением против различного рода „уклонистов" является на Кавказе, вот уже в течении многих лет, обвинение в „национализме". Ему подвергаются не только широкие слои новой, народившейся в советских условиях интеллигенции, но и большая часть старых большевистских кадров, способствовавших приходу красной Москвы на Кавказ. Явление это никоим образом нельзя об'яснять социальной сущностью большевизма, так как на Кавказе, мало диференцированном общественно, социальные эксперименты большевизма произвели относительно незначительные опустошения. Борьба против „буржуазного национализма" на Кавказе является поэтому действительной борьбой против все более и более усиливающейся национальной стихии, а не средством сведения каких бы то ни было счетов в пределах „общеимперских" идеологических течений и, тем более, не проявлением персональной борьбы в лоне общесоюзной коммунистической партии.

Учитывая все это, мы, повторяем, не собираемся полемизировать с докладчиком, опровергать его выводы, построенные по безнадежному шаблону защиты идеи „имперского" устройства России, идеи гнилой со дня своего зарождения. Нас интересует

не доклад, носящий все признаки злостного пасквиля, а сам докладчик, вернее докладчики в значении собирательном,—все те, кто так или иначе стоит на позициях активного руссофилизма, тянет нас в лагерь Милюковых и прочих Кязим-Беков. Один из кавкасских оппонентов на докладе назвал г.г. Абациевых людьми с „вывороченными мозгами". И нас интересует это, именно, явление „выворачивания мозгов" у людей, которые, не будучи русскими, с пеной у рта выступают в защиту русских великодержавных концепций. Интересует, как еще одно свидетельство пагубного влияния русской культуры и русской системы воспитания на все те народы, кои имели несчастие попасть в орбиту влияний России.

Активное сотрудничество с русскими захватническими силами—явление на Кавказе не новое. Русские силы, завоевывая Кавказ, в значительной степени пользовались помощью местных людей. Все эти: „переводчики", лазутчики", „проводники", „милиции", „горские команды" и т. д.—комплектовались из коренных жителей Кавказа. Но, несмотря на кажущуюся аналогию, между тогдашними ренегатами и сегоднешними „добровольцами русского империализма", выступающими под знаменами Милюковых, Кязим-Беков и др., существует значительное, так сказать, кардинальное различие.

Тогда в русском лагере находились ренегаты в полном значении этого слова. Служа верой и правдой России, они сознавали то зло, которое причиняют своему отечеству. Личное торжествовало у них над велениями общего национального блага. Они служили России в своекорыстных целях. Чины, ордена, деньги, „пожалованные" в ущерб большинству земли, возможность мести при помощи России смертельному врагу и т. п.—вот те причины, которые в жестокой схватке с русским империализмом рождали на Кавказе ренегатов. Но, повторяем, тогдашние проводники руссофильских тенденций в нашей среде сознавали зло, причиняемое ими Кавказу. Больше того, они совершенно были чужды русскому духу. Служа России, они чуждались русского народа; относились к нему с пренебрежением. Русские люди были для них, как и для тех, кто боролся против России, презренными „сыновьями безштанных", „гяурами", нарушающими привычные и родные условия быта, вносящими в жизнь непривычный и неприемлимый дух. С русской культурой они мирились в силу необходимости. Азербайджанский поэт XIX столетия, Сеид Азим Ширвани, писал в одном из своих стихотворений („Uç dil"—„Три языка"):

По меньшей мере мы должны учиться трем языкам—
Первый—арабский, чтобы понимать содержание
Корана.
Затем необходимо нам знать родной язык,
Чтобы быть в силах об'ясняться по-турецки.
Третий язык, нужный нам, русский язык—
Для торговли, для понимания законов и сношений
с администрацией...

И тем более были чужды тогдашним ренегатам т. н. общеимперские концепции во всех их проявлениях. Эта духовая отчужденность была свойственна и большинству представителей того поколения кавкасской интеллигенции, которые в первые десятки лет после завоевания Кавказа прошли через русские школы и в той или иной степени принуждены были выполнять русские имперские задания.

Совершенно иной характер носит сотрудничество с русским началом г.г. Абациевых и Хатаевых—лиц, вышедших из среды предвоенных и повоенных поколений. Здесь, в большинстве случаев, мы имеем уже дело с „вывороченными мозгами", с патологическими изменениями в области духа, вызванными влиянием русского окружения. Момент материальных выгод не играет здесь того значения, как в случаях с ренегатами времен кавкасской войны. Не все из нынешних проводников русских устремлений метят в „правители Осетии" или губернаторы, скажем, Кутаисской губернии; не все также ожидают каких-либо исключительных выгод при осуществлении исповедуемых ими „имперских" концепций. Эти люди в большинстве верят в то, что открыто исповедуют. Они искренно верят не только в то, что Россия „велика и обильна", но и в то, что в этой России „и порядок есть". Верят в то, что „русская литература", „русский балет", „русская музыка"—словом, все „русское" есть „превыше всего". Учебник истории Иловайского вдохновляет их при историографических рассуждениях. При звуках пошло-слезливых романсов Вертинского многих из них охватывает „мечтательная задумчивость" и они начинают „тосковать по родине". Пушкина, столетие смерти которого дало повод к новым великодержавным восторгам и к еще большему усилению руссификаторского натиска (многие миллионы отвратительно-небрежных переводов произведений поэта на языки „инородцев", с одновременным представлением певца русской имперской идеи в качестве „поэта советского народа" и предвестника сегоднешнего большевистского „равенства наций")*), они, вслед за компатриотами поэта, готовы считать величиной мирового значения, давшей человечеству новые откровения. Они не в силах уяснить себе, что великий мастер русского стиха, основоположник русской (и только русской) поэзии, является первым в России гениальным исполнителем „социальных заказов" режима (его примеру следует сейчас вся советская литература), что в своих „мировых темах" он являлся всего лишь подражателем идей Западной Европы, что он был национально-русским поэтом—и только.

Сегоднешний руссофилизм в нашей среде не в состоянии оценивать явлений в аспекте своих собственных национальных интересов. Он не способен даже на об'ективизм постороннего наблюдателя. Он может смотреть на все лишь через русские очки.

*) Между прочим, в бытность свою на Кавказе Пушкин писал своему брату: „Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях. Ермолов (известный своей жестокостью командующий русскими войсками на Кавказе—М. Ч.) наполнил его своим именем и благотворным гением. Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними. Должно надеяться, что эта завоеванная страна, до сих пор не приносившая никакой существенной пользы для России, скоро сблизит нас с Персианами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах,—и, может быть, сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии". Как видим, все по рецепту, начертанному в свое время Петром I, основоположником современного русского империализма.

Все свое для него—„дичь", „неустройство", все русское—„верх совершенства". Современный руссофил не в состоянии учесть органических недомоганий России, которые ведут ее к неминуемой гибели и грозят гибелью всем тем, кто не сможет во время оторваться от русского „колосса на глиняных ногах". Мало того, современный руссофил сознательно идет к ассимиляции, угрозу которой даже при его ослеплении не можно не видеть. Он не боится ассимиляции, ибо не чувствует того отталкивания от всех проявлений русского духа, которое характеризовало прежних ренегатов. Руссофилизм у него—явление органическое, духовно он принадлежит русскому народу. Русская культура заглушила в нем те национальные начала, которые давали и дают еще многим миллионам возможность сопротивляться как против физической, так и моральной ассимиляции.

Возникает вопрос: кого предпочесть—прежних ли ренегатов или сегоднешних убежденных руссофилов, людей с „вывороченными мозгами"? Избави нас Бог и от тех и от других, но если перед нами предстанет необходимость выбора, мы предпочтем, все же, первых. Всякий ренегат, духовно не слившийся с поработителями своего народа, может в последующих поколениях дать патриотов. Но зато сегоднешние г.г. Хатаевы в следующем поколении дадут нам уже „русских людей" в полном значении — дадут Кязим-Беков.

Мирза Бала

Национальная стихия в Азербайджане

Неспроста были оговорены на московском процессе Радека, Пятакова и других некоторые кавкасские „троцкисты", как Буду Мдивани, якобы находящиеся в связи с подпольным национализмом на всем Кавказе, в частности с партией „Мусават" в Азербайджане. Это был провокационный сигнал к предполагаемой „чистке" на Кавказе.

Бакинские газеты последних месяцев полны сенсационными сообщениями и сногсшибательным и разоблачениями. „Троцкистовская чистка" тут приняла вид истерической борьбы власти с местным национализмом.

Уже в первых числах января с. г. газета „Бакинский рабочий" (8.I.37, № 5) сообщала о раскрытии в учебных заведениях целой серии подпольщиков, работающих в духе национальной оппозиции. Во главе оппозиции стоял доцент Высшего сельско-хозяйственного института — азербайджанец Талыбли. Газета возмущена тем, что партийные власти проявили слабость и дали возможность мусаватистам, „этим агентам международного фашизма", влиять на партийные ряды и увлечь за собою „национальных уклонистов", которые „являются прямыми агентами мусаватистов". Газета приводит список сотрудников вышеозначенного Талыбли.

Начатая таким образом „чистка" находится в полном развитии. Подвергаются чистке все местные деятели большевизма, которые с самого начала оккупации страны московскими большевиками были проводниками их идей во всех областях политической, экономической и культурной жизни страны.

9-й с'езд азербайджанских советов, созванный для обсуждения новой советской конституции Азербайджана—как сообщает „Заря Востока" от 11-го марта с. г.—первым делом принял решение об исключении из числа делегатов видных азербайджанских коммунистов — Рухулла Ахундова, Микаиля Хусейнова, Мирза Мехмеда Касимова, Балабея Ханбейли и Керима Абдуллаева, как „причастных к буржуазно-националистической контрреволюции."

Первый из них, Р. Ахундов, являлся членом Ц. К. азер. ком. партии и был начальником управления по делам искусств при совнаркоме Азербайджана, а также членом азер. литературного общества, азерб. отделения Академии наук С.С.С.Р. и азерб. государственного издательства.

„Контрреволюция" проникла не только в ряды высшего законодательного органа советского Азербайджана: она охватила также высший государственный пост в стране. По сообщению бакинской газеты „Коммунист" от 12-4-37 года, глава исполнительного комитета советов в Азербайджане (президент республики) д-р Султан Меджид Эфенди-задэ, большевик с 1904 года, 9-го апреля с. г. на одном из собраний партийных активов гор. Баку подвергся публичному допросу. Во время дачи им об'яснений—из зала кричали ему: „Товарищ, делайте выбор между стопроцентовым большевизмом и таким же полноценным мусаватизмом, половинчатости у нас нет места!..."

В той же газете от 11-го апреля дается отчет о четырехдневном беспрерывном заседании народного комиссариата просвещения. Из этого отчета видно, что бывший комиссар нар. просвещения М. Шахбазов, директор отдела просвещения бакинского совета Али Саттар Ибрагимов „не занимались делом интернационального воспитания"; что зам. комиссара нар. просвещения Хасаноглу Азим и начальник отдела среднего образования Микаиль Рахимли являлись „контрреволюционерами и двуличными мусаватистами". Благодаря этим „контрреволюционерам, мусаватистам и двуличным народным врагам" в кадры учителей и директоров учебных заведений „проникли многочисленные националисты", среди которых „враги азербайджанского народа Чобан-задэ, Али Назим и Демирчи-задэ в Азербайджанском высшем педагогическом институте проводили свою пантюркистическую идеологию". В аналогическом положении находился и государственный университет, где проф. Хасанбейли, Таги-задэ, Букшпан,

Вели Хулуфлу, Чичикалов и другие проводили „свои презренные контрреволюционные идеи".

В чем же выражаются эти „контрреволюционные идеи"? На этот вопрос мы находим некоторый ответ в статье Мехди-задэ, помещенной в газете „Коммунист" от 28 марта с. г. Оказывается: „что студенты высших учебных заведений советского Азербайджана в достаточной степени не владеют языком Пушкина, Горького, Ленина и Сталина"; что „из 130 студентов-тюрков, окончивших высший педагогический институт в Азербайджане, только 15 студентов знали русский язык"; что „вопреки закону, во многих районах Азербайджана русский язык снят с программы обучения"; что „народный комиссариат просвещения совершенно не был обеспокоен тем, что в 50—60 школах Азербайджана совершенно отсутствовали учителя русского языка".

Это в области школьного дела. Но и издательский отдел, благодаря влиянию „фашистских собак и двуличных националистов", страдает „игнорированием интересов национальных меньшинств", „национальным уклоном" и „грубыми политическими ошибками".

Национальная оппозиция против оккупационного режима охватила не только „верхи", но и „советские низы". В „Коммунисте" от 9.4.37 года читаем следующие: „Враги социализма в борьбе с трудовым братством народов советского союза (читай в борьбе с московским империализмом) не разбираются в средствах. Религия стала одним из орудий борьбы против советской власти. Пользуясь 155 статей новой советской конституции и прикрываясь религиозной свободой, защищаются низкие групповые и личные интересы". Эти строки написаны советской газетой по поводу требований многочисленных прихожан об открытии новых мечетей. Газета грозит „интриганам" и разоблачает „троцкиста" Агаева, „националиста" Тагиева, „мусаватиста" К. Абдуллаева, „муллу" Мир Абдул-Халыка, „кулака" Азима, „дашнака" Т. Разнана, „белогвардейца-офицера" Умнова и других, как защитников этого религиозного движения.

Произведена „чистка" и на литературном фронте. На своем заседании от 18 до 23-го марта—как сообщает газета „Коммунист" от 28-3-37 года—литературный союз исключил из числа своих членов, наряду с другими „грязными контрреволюционерами", также и писателей Таги Шахбази, В. А. Талыбли, Али Риза и Ахмеда Джевада, как людей, вводящих в советскую литературу „мусаватские идеи". Некоторым иным видным литераторам Азербайджана сделан строжайший выговор и предоставлен срок на „самоисправление". В газете „Коммунист" от 17, 28 и 30 марта т. г. помещены громовые статьи, бичующие национальный уклон в азерб. советской литературе.

Вся эта тревога достигла кульминационного пункта в официальном выступлении главы азерб. советского правительства, Рахманова, на 9-м с'езде советов Азербайджана. Выступая с докладом о новой конституции Азербайджана—как гласит отчет „Бакинского рабочего" от 14 марта 1937 года—Рахманов со всей силой ненависти и злобы обрушился на партию „Мусават", осмелившуюся 28-го мая 1918 года отторгнуть Азербайджан от Советской России. Для него, этого жалкого предателя и лакея кровавого московского большевизма, „господство мусаватистов в Азербайджане означало самый кошмарный и тяжелый период истории страны". „История контрреволюционной партии „Мусават"—говорит продажный слуга красного империализма—это путь сплошных измен и предательств".

Не „историческая измена и предательство" партии „Мусават" видимо так озлобляют этого изменника и гнусного лакея чужеземных захватчиков, а актуальная национальная стихия усиливающаяся в Азербайджане с каждым днем, глубокими корнями сидящая в почве родной страны и питающаяся жизненными идеями непобедимого мусаватизма!...

М. Ч.

„Лагери смерти в СССР"

(Окончание)

Наконец, следует еще упомянуть о Конд-острове. Сюда ссылают на окончательный и скорый „загиб" полных инвалидов, из которых СЛОН выжал все, что можно было выжать, а также, с той же целью „скорого загиба", особенно опасных, по понятию ГПУ, „вредителей." С Конд-острова никто не возвращается. В зиму 1929 года из 4850 заключенных погибло 4230 человек. Еще более ужасной была зима с 1926 на 1927 год. Тогда на острове погибли все заключенные. Остались в живых только 16 чекистов и 3 девушки—заключенные, которых чекисты заставили сожительствовать с собой.

Большинство заключенных Конд-острова освобождены от работ. Как мы отметили, это полные инвалиды, не способные работать. Одетые и зимой, и летом в рванные мешки, они сидят в деревяных, дырявых бараках и медленно умирают, получая в день 300 грамм черного СЛОН'овского хлеба и два раза воду, в которой варилось пшено.

„По виду это не люди,—описывает автор заключенных Конд-острова—а ходячие трупы: они до невероятности бледны и худы; неимоверно грязны; все в струпьях или цынготных ранах. Кондовские чекисты-надзиратели называют их уже не „шакалами", а „индейцами"... За 5 месяцев моего пребывания на Конд-острове, от 620 „индейцев" осталось в живых всего на всего 47 человек; выжили по преимуществу те, которые работали на смолокуренном за-

воде (перед этим автор говорит, что на смолокуренном заводе работают только „трудоспособные“, которых на Конд-острове бывает не более 40—50 человек—М. Ч.): они имели „четвертую категорию“ (т. е. были признаны вполне трудоспособными—М. Ч.), а главное, они получали по 500 грамм хлеба. Сплошным ужасом, однако, была и их жизнь.“

Наиболее поражает в описании кошмарной обстановки СЛОН'а то, что автор почти не отмечает попыток к протесту, активных выступлений против невыносимого режима советской каторги. „Терпеливая покорность является типичной для подавляющего большинства заключенных: многотерпелив и вынослив русский человек!“—говорит он. Три открытых протеста, которые ему стали известны за время $3^1/_2$-летнего пребывания в чекистской охране СЛОН'а, были проведены не русскими людьми.*) Первым протестантом, о котором пишет автор, был поляк, Адольф Немировский, инженер высокой квалификации, работавший в Москве в „Резинотресте.“ Кроме случая с Немировским, автор сохранил в памяти протесты азербайджанцев, членов партии „Мусават“, и грузин.

Немировского ГПУ пыталось завербовать для шпионской работы в Англии, зная о том, что он отлично говорит по-английски и имеет в Англии, где он был перед мировой войной, значительные связи. Немировский отверг предложение ГПУ. В результате, ему „пришили дело“ и он очутился в СЛОН'е. Здесь ему опять предложили быть „сексотом“ и „освещать“ жизнь товарищей по заключению. Не согласился он и на это. Тогда его послали на „загиб“ в „Овсянку“, к чекисту Потапову—„зверю в образе человека“, как характеризирует его автор.

„Потапов — читаем в книге — сделал свое дело: двое суток под ряд Немировский выполнял у него полуторный урок; двое суток он не выходил из леса; выполнить урока он не смог, но совершенно отморозил руки и ноги. Овсянковский лекпом (лекарский помощник — М. Ч.) отрезал ему обе ступни и обе кисти рук, перевязал грязными бинтами и дал ему на три дня освобождение от работ... Три дня освобождения от работ в СЛОН'е редкое явление. Но бедному Немировскому не пришлось воспользоваться этой СЛОН'овской милостью, так как на другой день после „операции“ он умер.“

О протесте же азербайджанцев и грузин автор пишет следующее:**)

„Второй запомнившийся случай борьбы — голодовка мусаватистов, т. е. членов национальной азербайджанской партии. Она вспыхнула из-за того, что все мусаватисты содержались на тяжелых физических работах. Мусаватисты требовали работы по специальности.—„Мы вам дадим работу по специальности! На „Овсянку“ нам надо много специалистов. Там Гусенко наспециализирует вас рубить баланы“, говорили в ИСО чекисты.

Однажды ночью к роте № 7, где помещались мусаватисты, под'ехало 10 саней. Командиры рот, в присутствии чекистов из ИСО, вынесли на руках связанных по рукам и ногам мусаватистов, положили их на сани, прикрыли сеном и вывезли из Кремля (дело происходило на острове Соловки и автор говорит о тамошнем Кремле—М. Ч.). За Кремлем их встретили чекисты-надзиратели и повезли дальше — на Овсянку.

До Овсянки 22 километра, но мусаватистов на санях везли не более, чем полтора километра. Как только их завезли в лес, начались истязания. — „А такие сякие... Грамотные стали?!.. Голодовки научились об'являть?!... Мы вас научим голодать. А ну-ка, вставай с саней!“

Вставших с саней чекисты били прикладами и, после избиения, погнали дальше уже пешком.

„Мусаватисты на командировку „Овсянка“ прибыли благополучно. Просили меня дать один день отдохнуть: „слабые мы после голодовки“. Просьбу не удовлетворил, а отправил в лес на работу“—писал Гусенко в ИСО.

В результате голодовки, несколько человек мусаватистов умерло на Овсянке, а 15 человек отправлено на Конд-остров, как окончательно потерявших трудоспособность. А Конд - открытая дверь в могилу...

Сходную борьбу с теми же последствиями вели на Соловках грузины.

В 1927 году группа из 5 грузин пыталась среди дня, на глазах у всех, бежать из Кемьперпункта (пересыльный пункт в Кеми—М. Ч.). Двое грузин набросились на вооруженного чекиста-надзирателя, выхватили у него винтовку, вместе с остальными тремя грузинами выбежали из Кеми, сели в лодку и поплыли. Сами не зная куда, но поплыли. Через полчаса они были все расстреляны.

Грузин в СЛОН много. УСЛОН держит их так, что ни на одной командировке вы не встретите двух грузин вместе: они рассеяны по одному по всем командировкам. На Соловецком острове находятся наиболее видные из них. В 1928 году случилось так, что 26 грузин оказалось на одном месте: в 7-ой кремлевской роте. Все они находились на тяжелых физических работах, правда не лесных. По примеру мусаватистов, грузины потребовали, чтобы им дали работу по специальностям. Когда получили отказ, они, как один, об'явили голодовку.

С ними ИСО поступило немного иначе, чем с мусаватистами: мусаватистов только связали и повезли на санях на Овсянку, а грузинам кроме того надели смирительные рубашки—большие грязные мешки из под картофеля. Мусаватистов отправили на командировку „Овсянка“, а грузин—в штрафной изолятор „Секирка“. Мусаватистов, хотя и избитых, но всех доставили живыми на Овсянку, а грузин не всех: по дороге двоих чекисты-надзиратели застрелили.

«Двое голодающих грузин на пути на Секирку набросились на надзирателя и пытались обезоружить его. Принятыми мерами нападение было отражено. Нападавшие грузины из нагана № 768429 мною

---

*) Между прочим, организатором первого побега из Соловок за-границу (в Финляндию) был северокавказец—г. Созрыко Мальсаг, который сейчас проживает в одном из западно-европейских государств. В ближайших номерах нашего журнала мы поместим его воспоминания о Соловках и побеге — Р-ция.

**) В виду специального интереса этого описания для нас, кавказцев, приводим его без сокращений.

застрелены, о чем доношу на ваше распоряжение»,— такой рапорт написал в ИСО командир 5-го взвода команды надзора. Из штрафного изолятора „Секирка" ни один из голодавших грузин не возвратился: все 24 человека там умерли."

Такова трагическая история трех протестов, известных автору и описанных им.

Об одном из погибших мусаватистов, д-ре Джехангире Агаеве, автор говорит более подробно при описании Конд-острова. „Отзывчивый и добрый Агаев был на Конд-острове единственным человеком, с которым я отводил душу" — говорит о нем автор, рассказав при случае драматический эпизод, свидетелем которого он был.

„Характерное письмо — пишет автор — было прислано доктору Агаеву летом 1929 года. «Дорогой папа, — писал ему маленький сын — я в школу не хожу, потому, что ты контрреволюционер. Папочка, напиши мне, пожалуйста, письмо, что я не твой сын. А на самом деле, папочка, я всегда люблю тебя и ты — мой папа: только письмо это мне надо, чтобы меня приняли в школу»... Если бы я в это время не был на Конд-острове, то Агаев письма бы не получил: оно было бы отослано обратно в Ганджу, но только не любящему сыну, а в ОГПУ, которое бы внесло отправителя в списки „социально-опасных"...

Прихожу с этим письмом к доктору Агаеву и говорю: «Вам, дорогой Джангир, письмо от сына, но только вы его, — прибавляю шопотом, — прочтите и сейчас же порвите». Агаев вынул из вскрытого конверта письмо и начал читать. У него нервно задергались губы, брызнули слезы, задрожали руки с письмом и с громким истерическим плачем, закрыв лицо руками, он упал на свой грязный топчан..."

Так описывает раскаявшийся чекист советскую каторгу — каторгу страны, претендующей на звание „самой демократической страны в мире."

ОТ РЕДАКЦИИ

Печатаемые ниже стихотворения заимствованы нами из газ. „Орджоникидзенская правда" (24-IV-1937 г.). Автором двух первых является основоположник современной осетинской поэзии Коста Хетагкати, скончавшийся в 1906 году. Стихотворения принадлежат к т. н. русскому циклу произведений поэта - т. е. были написаны им не на осетинском, а на русском языке. Факт этот свидетельствует о том, что поэт предназначал их к распространению не только среди осетин, но и среди интеллигенции других северокавказских племен, знающей русский язык. И это понятно, так как, несмотря на наличие в стихотворениях довольно сильного влияния „модного" в России, во времена Коста, Надсона, они дышат глубокой любовью к „родным горам" и их обитателям и не менее глубокой скорбью по поводу той судьбы, которую Северный Кавказ испытывал во времена царизма и испытывает сейчас.

Третье стихотворение принадлежит перу современного чеченского поэта Абди Дуда; на русский язык оно переведено некиим Ильей Сосновским.

Коста Хетагкати

НЕ ВЕРЬ

Не верь, что я забыл родные наши горы,
Густой, безоблачный, глубокий небосвод,
Твои задумчиво-мечтательные взоры
И бедный наш аул, и бедный наш народ.
Нет, друг мой, никогда! Чем тягостней изгнанье,
Чем дальше я от вас, чем бессердечней враг,
Тем слаще и милей мне грезится свиданье
Со всем, мне дорогим, в моих родных горах...
Не бойся за меня! Я не способен к мщенью,
Но злу противиться везде присуще мне...
Не бойся — я и здесь не дамся обольщеньям
Красавиц, чуждых мне по крови и стране.
Люблю я целый мир, люблю людей бесспорно,
Люблю беспомощных, обиженных сирот,
Но больше всех люблю — чего скрывать позорно —
Тебя, родной аул, и бедный наш народ.
За вас отдам я жизнь... Все помыслы и силы,
Всего себя лишь вам я посвятить готов...
Вы так мне дороги, так бесконечно милы,
Что сил нет выразить, что высказать нет слов!...

Коста Хетагкати

Я СМЕРТИ НЕ БОЮСЬ

Я смерти не боюсь... Холодный мрак могилы
Давно манит меня безвестностью своей,
Но жизнью дорожу, пока хоть капля силы
Отыщется для родины моей.
Я счастья не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить.

Абди Дуда

ПОХОД ВЕСНЫ

Зима уходит, горестно роняя,
Как белый жемчуг, слезы в тишине.
И веткою зеленой погоняя,
Весна на белом едет скакуне.
Метелей разбросав седые крылья,
Кусая губы гневно, без ума,

В лицо весне бросает снежной пылью
Старуха злая — поздняя зима.
А на земле, горя огнем багряным,
Цветут цветы, — струится жаркий пот.
И солнце греет грудь земли желанной,
Журчат потоки, все кругом поет.
Проснулись горы, радостно вздыхая,
И, сбросив бурку белую свою,
Ковер нежно-зеленый расстилают
В честь юной гостьи в солнечном краю.
Невесты облеклись еще пышнее,
Украсив стан гирляндами цветов,
А синий Терек легким ветром веет,
Волнуется и дышит грудь хребтов.
Весна идет, торжественно вступает
В долины гор, — и жизнь в горах звенит,
Леса в наряд роскошный одевает,
Простор степей — в зеленый малахит.
Так каждый год, лаская сердце наше
Мечтой о счастье, к нам идет весна,
Ликует жизнь, цветет природа краше
И вся поет, звенит моя страна.

Перевод с чеченского Ильи Сосновского.

На докладе „милюковца“

30-го марта, в помещении Географического Общества, в Париже, состоялся доклад г. М. Абациева на тему: „Идея солидарности народов Кавказа.“

Доклад Абациева является очередным из цикла политических выступлений, организуемых Русским демократическим об'единением, возглавляемым П. Н. Милюковым. Вероятно потому, что г. Абациев является сам кавказцем и темой своего сообщения избрал кавказский вопрос, а также потому, что газетные об'явления о докладе обещали председательствование на собрании П. Н. Милюкова, доклад собрал многочисленную аудиторию, преимущественно русскую. Кавказской публики, напротив, было мало, и она явно бойкотировала выступление Абациева. Тем не менее, г. Абациев глубоко разочаровал не только кавказских, но и русских своих слушателей. Причиной полной неудачи докладчика послужило то обстоятельство, что, вместо сколько—нибудь значительных данных, г. Абациев построил свое сообщение на одной голой демагогии.

Так, большую часть доклада он посвятил описанию неслыханных примеров дикости и варварства в Дагестане, тщательно выискивая при этом единичные незначительные эпизоды этого варварства в далеком прошлом дагестанцев, основывая их на неизвестных сомнительных источниках и упорно умалчивая о славной дагестанской философско-богословской культуре и знаменитом рукодельно-художественном искусстве дагестанцев.

Непосвященный слушатель из доклада Абациева мог-бы только заключить, что Кавказ является исключительно дикой страной, населенной варварами, вечно враждовавшими между собой. Проблески-же культуры, порядка и солидарности появились среди кавкасских народов в период установления на Кавказе русской власти. А знаменитые вожди Северного Кавказа в войне против России были никеми иными, как ослепленными религиозными фанатиками, ведущими северокавказцев на верную гибель.

Перед кавкасскими горцами стояла тогда реальная дилемма: или покориться России, или погибнуть в неравной борьбе. Например, адыгейское племя черкесов сознательно избрало второй путь и заслуженно пострадало.

Установление русского владычества на Кавказе принесло краю просвещение, расцвет и сносную жизнь и все это, по мнению докладчика, теперь стремятся разрушить разныя авантюристические национальные течения, созданные и руководимые враждебными России иностранными государствами. Докладчик категорически отрицает возможность для кавкасских народов независимого государственного существования; он считает, что кавкасские народы раз'единены между собою и духовно, и исторически, и самой окружающей их природой. Кавказцы не могли об'единиться даже после революции, и их переговоры в этом смысле не давали никаких положительных результатов. Притом, докладчик, в качестве подтверждения своего заявления, постоянно потрясает книгой проф. Авалова: „Независимость Грузии“. Из публики раздаются голоса—не избрал-ли докладчик эту книгу своим евангелием (смех; вообще среди аудитории все время господствует смех).

В проявлениях национализма г. Абациев видит величайший вред для цивилизации. В качестве примеров, он приводит Германию, Италию и Польшу; о последней отзывается, как о державе, которая наиболее нетерпимо относится к живущим в ней национ. меньшинствам. Видимо, этим заявлением докладчик стремится угодить своему патрону Милюкову и его окружению, занимающим среди русской эмиграции наиболее полонофобские позиции.

Пока мир не откажется от насилия, малые народы не должны даже мечтать о независимости, — заявляет докладчик—а раз кавказцы неизбежно принуждены будут выбирать хозяина, то г. Абациев не представляет себе лучшего хозяина для нас, чем русские.

Таков вывод этого своеобразного „деятеля“, выступившего в роли интерпретатора путей, по которым должна итти кавкасская политическая мысль.

Открывшиеся прения принесли докладчику много заслуженных огорчений, т. к. оппоненты, один за другим, без труда и последовательно, изобличали и разрушали все его демагогические изощрения.

Со стороны кавказцев выступали князь Давид Вачнадзе, г.г. Габашвили и Джамалян. Все три оратора, на основании непреложных исторических данных, наглядно доказали старшинство кавкасской культуры в сравнении с культурой русской и, напротив, пагубность влияния и владычества России для всех без различия кавкасских народов.

Князь Вачнадзе справедливо упрекал докладчика в грубой тенденциозности; он говорил, что г. Абациев, вместо того, чтобы об'ективно знакомить русское общество со своей родиной, занялся демагогией и клеветничеством на свою родину и ее культуру. Например, в те времена, когда просвещен-

ные грузины, а равно и армяне, переводили на свои языки Евангелие и др. богословские труды, то русской государственности не было и в помине.

Или, например, каким образом мог-бы Северный Кавказ сопротивляться России в течении почти сто лет, если горцы не превосходили-бы русских и духовно, и своим военным искусством.

Затем ораторы подробно рисовали разделенческую политику России на Кавказе. Один из них заявил, что русские „выворачивали даже мозги у кавказцев" и, в результате, создавались кавказцы, в роде докладчика, утерявшие совершенно свое национальное самосознание.

В особенности сильное впечатление на русскую аудиторию произвело выступление армянского деятеля, г. Джамаляна, с большим чувством заявившего, что единственным исходом из создавшегося для кавказцев положения является их тесное об'единение и решительная совместная борьба за общее освобождение. Оратор винит за все несчастия и беды, обрушившиеся на Армению, прошлую ориентацию своей родины на вероломную Россию.

Русские оппоненты докладчика стремились сгладить неприятное впечатление, произведенное странным докладом.

Председательствующий на докладе Милюков закончил собрание кратким резюме. Даже он, не в пример докладчику, должен был признать очень много дурного в прошлом владычестве русских на Кавказе, но несмотря на это предлагал все же кавказцам связать свою судьбу с русской демократией, которой советовал верить на слово.

Один из слушателей.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

В апрельском и одновременно первом номере журнала „Contra - Komintern", издаваемом в Берлине на немецком языке, напечатано обширное сообщение, информирующее о целях и задачах Всемирного антикоммунистического конгресса, который должен состоятся в ближайшее время в Берлине. Сообщение приведено в форме беседы с генеральным секретарем Организационного бюро капитаном *Нильсом фон-Баром* (Nils von Bahr).

«В последнее время — пишет журнал в предисловии, предшествующим беседе, — мировая печать усиленно интересовалась раз'яснениями и подготовительными работами Бюро по организации Первого всемирного антикоммунистического конгресса.

История, предшествующая этой новой коллективной работе антибольшевистских организаций, предпринятой с целью противопоставления большевистской опасности, известна.

Полгода тому назад имел место факт, когда свыше сорока представителей 20 различных стран и трех частей света признали необходимость совместной и тайной конференции. Частично это были полномочные представители официозного характера, частично же делегаты осведомленных приватных антикоммунистических организаций и сообществ в соответствующих странах. Для примера перечислим «Международное согласие против III-его интернационала» (Entente Internationale contre la III-ieme Internationale) — Женева, «Институт Научного Изучения Коммунизма» (Instytut Naukowych Badań nad Komunizmem) — Варшава и «Всеобщий Союз Германских антикоммунистических обществ под назв. „Анти - Коминтерн"» (Gesamtverband deutscher antikommunistischer Vereinigungen e. V. „Anti-Komintern") — Берлин".

На конференции рассматривалась усиливающаяся в последнее время подпольная разрушительная деятельность коминтерна и формы контракции, которую можно было бы противопоставить разлагающей работе советских агентур. На конференции же, пишет далее „Contra - Komintern", признана была единодушно необходимость возможно скорого созыва Всемирного Конгресса по борьбе с большевизмом и тут-же избрано международное Бюро, которое должно подготовить созыв Конгресса. Генеральным секретарем Бюро был избран капитан Нильс фон-Бар, представитель шведских антикоммунистических организаций.

«Благодаря любезности капитана фон-Бара — пишет далее редакция — наш журнал получил точные об'яснения относительно соответствующих целей и задач Бюро».

Затем печатается беседа с кап. фон-Баром. Приводим ее целиком:

«ВОПРОС: Существует-ли опасность, что против работы Бюро будут направлены подозрения, приписывающие ему зависимость от какой - либо страны и роль ее политического орудия?

ОТВЕТ: «Такого рода подозрение не может иметь место там, где имеются в виду только цели создания Бюро. Организационное Бюро имеет вполне независимый характер как потому, что оно является общим об'единением, так и по деятельности и цели, им намеченным. Нужные материальные средства будут ему доставлятся из соответствующих взносов тех организаций, которые его создали, а равно и тех, которые будут к нему еще присоединяться».

ВОПРОС: В чем должны заключаться практические начальные задания Бюро?

ОТВЕТ: «В качестве подготовительной работы следует прежде всего на широкой основе организовать раз'яснительную пропаганду при помощи книг, брошюр, докладов, выставок, фильмов и т. д. Нужно выступить с достоверными доказательствами в руках, выявляя опасность подпольной коммунистической деятельности во всех ее фазах и проявлениях, как наибольшую угрозу культуре, миру, национальному развитию и свободе всех народов.

Это составляло бы, скажем, первый этап деятельности Бюро по подготовке Конгресса. В ней

приняли бы участие все серьезные антикоммунистические организации мира, устанавливая между собой постоянную связь и общее соглашение».

ВОПРОС: Как будет относиться в своей работе Бюро к разным способам противодействия большевизму, применяемым в отдельных странах?

ОТВЕТ: «Бюро будет выступать только в качестве связи и, само собой разумеется, оно не имеет даже наименьшего намерения вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела отдельных государств. Право выбора способов и средств, служащих для лучшего развития своей акции, т. е. таких, которые были бы наилучшими действенными средствами в деле противодействия коммунизму-большевизму и расширению сферы его разрушительной работы, должно быть предоставлено народам, входящим в рассчет, как их внутренняя проблема. Каждая страна располагает средствами согласно собственной оценки и собственных традиций, руководствуясь при этом соображениями внутреннего порядка. Вследствии этого борьба с коммунизмом в каждой стране должна вестись индивидуально и различными мероприятиями. Это, однако, не препятствует свободному и тесному сотрудничеству и взаимной поддержке, направленной к ознакомлению общественных мнений с характером антикоммунистической акции.

Нет универсального рецепта для защиты от большевизма. В каждой стране борьба должна вестись индивидуально, сообразно внутреннему состоянию вещей, традициям и соответственной тактике коминтерна. Тем более, однако, необходимо, как было постановлено единогласно на конференции, тесное международное сотрудничество, добровольный союз всех антикоммунистических сил во всем мире для защиты от большевизма. Конференция установила, что настало время для решительного и планомерного выступления против открытого врага всех наций и религий, каковым является коммунистический интернационал.

В этом отношении Бюро играет роль как бы клиринг-пункта, где просматриваются и собираются для обмена материалы и опыт разных борющихся национальных организаций, которые ведут подготовительные работы к Конгрессу».

ВОПРОС: В каком отношении находится эта общая осведомительная работа к специальным заданиям Бюро по подготовке Всемирного антибольшевистского конгресса?

ОТВЕТ: «Тут начинается другой этап, который заключается в том, чтобы непосредственно и конкретно подготовить все к Первому всемирному антикоммунистическому конгрессу, привлечь к своему делу представителей всех групп и обществ в каждой стране и этим дать всемирному движению в борьбе с разрушительными планами коминтерна и его агентур широкие размеры и ясную цель.

Участие в этом Всемирном Конгрессе должно быть так многочисленным, чтобы он мог на самом деле стать солидарным и единомышленным выразителем всего мира, быть его протестом против разрушительной работы коминтерна.

Конгресс должен стать трибуналом, который осудит красных заговорщиков. Он должен показать направление и проложить путь для действительной и действенной борьбы с напором врага».

ВОПРОС: Будет-ли с осуществлением Всемирного конгресса закончена задача Бюро?

ОТВЕТ: «Ни в коим случае. Всемирный Конгресс сам по себе будет началом третьего этапа, еще теснейшего единения и широко развернутого международного сотрудничества в борьбе с большевизмом, поскольку будем всегда иметь в виду его подпольную и разрушительную работу, выходящую за пределы советских границ. Человечество должно остаться свободным от этой заразы, которая, будучи выращенной в Москве, систематически распространяется среди всех народов.

Борьба, которую мы имели в виду, вовсе не является борьбой двух идеологий, как ее временами пытаются представить. Это, собственно, борьба против разрушения, безбожия, террора, падения, против гражданской войны и красного империализма — борьба за веру, порядок и право, справедливость, согласие и мир.

Вот идеалы, которым служит Всемирное антибольшевистское движение, предпринимая борьбу против большевизма. Бюро считает своей обязанностью, выступая в качестве верного представителя мирового антибольшевистского движения, выполнить свою задачу полностью и добросовестно. Оно не имеет никаких других стремлений и никаких других целей, кроме борьбы против коммунизма.

Все здоровое, верующее, добросовестное, положительное, какому бы то народу и какой бы то стране оно не принадлежало, подвержено сегодня опасности быть уничтоженным силами подпольного большевистского мира — разложением, безбожием, отрицанием духовных ценностей и преступностью. Гонимый фантастической ненавистью к Божественному и бешенной злобой против каждого национального сознания и каждой национальной культуры, старается большевизм разрушить вечные права природы и человеческой жизни. Его демоническому натиску надо, наконец, дать решительный отпор.

Сумерки, нависшие сегодня над культурой человечества, отнюдь не являются признаками сближающегося вечера, но, наоборот, предвестниками нового разцвета культуры. Эта уверенность для того, чтобы дать действительный отпор мировому большевистскому заговору, должна быть связана с глубоким сознанием и волей. Настало, наконец, время, когда народы мира, пресыщенные обманом и возмущенные преступлениями большевизма, переходят к самообороне, дабы окончательно и полностью уничтожить опасного своей подпольной работой общего врага всех народов и культур, каковым является коминтерн».

На этом беседа заканчивается. Далее следует пояснение, что ж. „Contra - Komintern“ будет выполнять роль печатного органа Организационного бюро по созыву Первого всемирного антикоммунистического конгресса, и приводятся слова капитана фон-Бара, сказанные по адресу журнала:

«В тесной связи с Организационным бюро вступает в службу борьбы с большевизмом и в службу наших идеалов журнал, который будет ру-

пором международного сотрудничества против большевизма».

Предоставляя вниманию наших читателей это интересное сообщение, свидетельствующее о том, что мир начинает осознавать грозную опасность, которую таит в себе красная Москва, мы, к сожалению, должны отметить, что к работам Организационного Бюро не были привлечены национальные организации угнетаемых Москвой народов. Созванный в таких условиях Всемирный антибольшевистский конгресс, по нашему мнению, не будет полным, не отразит всех ужасов большевизма, так как, в конце концов, истинная природа большевизма лучше всего известна представителям тех народов, которые наиболее от него пострадали и находятся и сейчас в полной его власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

„Страна последних рыцарей"

„Страна последних рыцарей" обработана г-жей Л. Лапорт, по описанию известного с.-кавказского художника Халил-Бека Муссаясула,*) и представляет собой биографический очерк, охватывающий жизнь автора от его рождения до 1921 г., когда он покинул Кавказ и через Турцию отправился в Германию. Однако, это жизнеописание является как-бы ведущей нитью, на которую нанизано все виденное и слышанное автором, при чем так удачно, что у каждого создается верное представление о Кавказе, в частности о Дагестане.

Меткими мазками изображает Халил-Бек природу и население своей родины, ее прошлое и настоящее. Описывает обычаи и пережитки языческих времен в народных праздненствах („оцбай" — при вспахивании нетронутой земли, процессию при „испрошении дождя" и др.), в которых наблюдается причудливое переплетение мусульманского с языческим. Описывает народное веселие с песнями, танцами, с певцами-рассказчиками; описывает скачки, джигитовку, фехтовальные состязания, соколинную охоту и опасную охоту на тура и на волка.

Книга излучает чарующую прелесть нартовских сказаний, старинных легенд и народных поверий. В ней отображен весь многообразный лик радости, славы и печали Кавказа.

В этой книге выпукло обозначен путь развития, по которому пробивались дарования художника. Изображать живое у мусульман греховно — „харам", а к тому же маленький Халил был религиозен, вследствии чего в его душе происходила, временами, острая борьба. Но в конце концов талант победил и даже его учитель в медрессе, любивший мальчика, смирился. Советовал только „отрезать" головы фигурам, что он и делал, проводя едва заметную черту по шее.

Первыми учителями Халил-Бека, если не считать грандиозной прекрасной природы, пробудившей у него любовь к образам, были случайные мастера: Исмаил — мастер памятников и маляры.

Халил-Бек сообщает много интимных подробностей из жизни своей семьи и своей лично. Останавливается и на своих романтических приключениях, из коих его „увлечение" в раннем детстве маленькой Неджид и гречанкой Ниной в зрелых годах в Темир-Хан-Шуре, в период республики Северного Кавказа, помогавшей ему при редактировании журнала «Танг-Цулпан» — «Заря» — Заря Самостоятельности, — видимо оставили след в его душе. Некая русская артистка, Ксения Александровна, в бытность его уже в Стамбуле, осталась для него чужой, от которой он „уберег свое сокровище" — свет своей родины.

Как на экране, перед нами мелкают события и, словно из под резца ваятеля, вырисовываются типы, взятые как из гущи народа, так и из кругов местной аристократии, к которой принадлежит автор.

Вот острый профиль старого Рамазана, строгого к себе и к другим, без различия кто бы то не был. Он был всего лишь нукером во дворе Муссаясулов, но в „Стране последних рыцарей" прежде всего „седина почитается всеми".

Не менее характерен пылкий неукротимый джигит Алтай. И учитель в медрессе, Магомет из Суграт-ля, — „замечательный старец, который всем своим видом был образцом чистоты", „добрый и образованный, любивший, кроме теологии, и математику". А вот тип кавказского революционера - марксиста, инжинера путей сообщения известного Махача Дахадаева (в честь его город Шамиль-Кала (Петровск) большевиками был переименован в Махач-Кала), вспоминающего в критическую минуту своей жизни силу адата. Он пользуется гостеприимством автора и приводит его этим в затруднительное положение. Позднее, при побеге, он погиб и, когда его похоронная процессия, насчитывавшая всего несколько человек близких и русских рабочих, встретилась с отрядом национальной армии, офицеры были страшно удивлены, что хоронят Махача, покинутого всеми, и тут же распорядились совершить молитву и оказать последние почести вчерашнему противнику. Едва ли подобное можно увидеть в другой стране, но в горах Кавказа свои законы.

Не менее верно зарисованы и женские типы с их скромной красотой, внутренним миром и трудолюбием. Без шума и суетности, они создали уют и точно функционирующий механизм „горской" семьи. Это они выростили славных мужей истории Кавказа, украсивших своими яркими именами его надоблачные вершины. Халил-Бек, как это и подобает истому мужчине, не выставляет их по пустому на показ, но в то же время и не укрывает их. С какой то особенной, ему свойственной, прочувственной бережностью он воспроизводит их образы.

Судьба старого аварского рода Муссаясул, как и многих других родов Северного Кавказа, мало чем отличается от судеб своего народа, с которым они, за небольшим исключением, не отрываясь от него, делили участь и тяжелой титанической борьбы с Россией, и тревожные дни восстания 1877 г., и последовавшую затем жестокую расправу властей, и весь пятидесятилетний период оккупации, и великую войну, и счастливые дни освобождения и, нако-

---

*) Das Land der letzten Ritter — von Halil Beg Mussayassul, aufgezeichnet von Luise Laporte. Verlag C. H Beck. München, 1936.

нец, „бескровную русскую революцию" с ее продолжением. Касаясь всех этих событий, Халил-Бек сообщает много и чисто бытовых сведений, из коих наиболее ценными являются относящиеся к событиям, в которых автор принимал личное участие.

И если во времена правления Имама Шамиля, среди прославленных наибов был знаменитый наиб-строитель, Закарья, дед Халил-Бека, построивший такие известные крепости, как Гуниб, Салты, Хунзах, Чох и др., проложивший множество дорог и мостов, то в последующем периоде некоторые члены его рода были на русской службе, откуда, кстати, всегда стремились уйти к родным очагам, как бы не привлекательна была жизнь в царском конвое с легкими успехами над северными львицами салонов, а в 1877 г. члены рода были в обоих лагерях — „...узы были прерваны, брат воевал против брата"... — так метко характеризует рассказчик весь трагизм создавшегося положения.

Ярко описан и революционный период, и первые нежные цветы самостоятельности, и весь хаос опустошения, производимый в стране обнаглевшими бандами русских солдат, бросивших фронт.

„Незабываемый момент" в памяти рассказчика оставила его встреча с Имамом Нажмуддином, первая в поезде, когда Имам, узнавши о том, что Халил-Бек студент и едет из Германии, с недоверием спросил — не стал ли он там социал-демократом. „Если да, ты не друг своей родины", строго сказал Имам. И вторая встреча в Темир-Хан-Шуре, когда Имам пригласил Халил-Бека и просил нарисовать его верный портрет.

Глубокий неизгладимый след в душе автора оставил с'езд делегатов всего Кавказа. Грузины, абхазы, адыги, ногаи, карачаи, азербайджаны, авары и др. сыны Кавказа, все с'ехались в Анди, единодушные в своих радужных надеждах. Под реющими знаменами славных Шамилевских полков лились торжественные звуки священных гимнов, распеваемых мюридами, и здесь-то Нажмуддин из Гоцо был всенародно провозглашен Имамом. Некоторое осложнение на фоне всеобщей солидарности вызвало выступление известного Узуна-Хаджи, который высказался против участия в освободительном движении всех тех, кто имел какие бы то ни было сношения с русскими — как с „подозрительными и зараженными чуждым духом."

В заключении книга снабжена кратким историко-географическим очерком и иллюстрированной картой Кавказа.

„Многое утеряно, нечто приобретено, но лишь Родина остается для меня неприкосновенной, и как вечность лежит она передо мной и, одновременно, за мной" — так красочно сам автор определяет те высокие побуждения, которые им рукоздствовали при издании „Страны последних рыцарей". Г-жа Л. Лапорт тщательно обработала материал на немецком языке. Вообще книга издана с редким совершенством. Множество иллюстраций — бытовых, видовых и из мифологии, исполненных автором пером и в красках, еще более оживляют книгу. Обложка и переплет украшены стильными орнаментами и эмблемой Северного Кавказа.

В сердце каждого кавказского патриота эта книга пробудит лучшие чувства и вдохнет в него веру в духовные силы народа.

Для иностранца же она явится ценным литературным произведением, открывающим перед ним картину подлинной жизни и фольклора Кавказа.

В Германии „Страна последних рыцарей" пользуется большим успехом. Почти все газеты дали о ней восторженные отзывы, а официальным органом, „Reichsstelle zur Forderung des deutschen Schrifttums", она была одобрена и рекомендована в школы, библиотеки и читальни.

В настоящее время идут переговоры о ее переводе на арабский, шведский и чешский языки.

Верный друг Кавказа, барон В. фон-Икскуль, автор „Названных братьев", по прочтении книги, преподнес Халил-Беку ценный дар — полный золотой гарнитур к черкеске, вывезенный им из Северного Кавказа.

Адиль-бек Кулатти.

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABERLERİ — ВЕСТИ С КАВКАЗА

GENE SOVYET „MİLLÎ SİYASETİ" HAKKINDA

Mecmuamızın geçen sayısında, Doguj'un, Şimalî Kafkasyada yerlileştirme işlerinden bahseden „Sovyet millî siyasetinin hakikî vechesi" başlıklı makalesi dercedilmişti. Bu makale geçen yılın başında sovyet matbuatında çıkan materyallar üzerine yazılmış idi. Bir yıl geçtiği halde vaz'iyet eskisi gibi degişmeden kalmış ve bolşevikler rus milletinin büyük devletçi pozisyonunu kadem-kadem takviyede devam ediyorlar. Bunun için de, asıl siyasetlerinin gayesini yaldızlı şiarlar arkasında gizletmeğe çalışıyorlar. „Millî" mekteb, bir yıl evvel olduğu gibi gene ruslaştırma sahası olmakta devam ediyor, maddî cihetten bu „millî" mektebler acınacak bir manzara arzediyorlar, sovyet müesseseleri ile fabrikaları ise eskide olduğu gibi, sovyet imperyalizmin büyük devletçi pozisyonunu takviye maksadile, rus memur ve işçilerile doldurulmakta devam ediyor.

Aşagıya nakledeceğimiz materyallar, sovyet hükûmetinin millî siyasetteki daimî hatti hareketini açık gösterecektir İşte, „Sosyalist Kabarda-Balkarya" (16-2-1937) gazetesinde prof Lvov adlı birisi „millî" mekteblerden birisini böyle tasvir ediyor

„Bir kaç gündür, ki Kabarda-Balkaryadaki mekteblerin faaliyetile tanış oluyorum. Bu işe başlayıncaya kadar son beş yılımı Tacıkistanda, Özbegistanda, Kazakıstan, Kırgızıstan ve Çeçeno-İnguşistanda geçirdim. Kat'iyetle iddia edile bilir, ki mekteb işleri hakkındaki tecrübeyi, çoçuklar hakkındaki kayguyu Kabarda-Balkaryadan öğrenmk lâzımdır. Mekteb dahilinde ve haricindeki işler hususunda bu cumhuriyet ön safda gidiyor

Böyle bir vaz'iyet içinde çocuklarla olan işlerin fena cihetlerinden bahsetmek müşküldür. Bununla birlikte gene bâzı şeyler söylemek lâzımdır.

Kaç gün evvel 2 nomerolu mektebin yatakhanesine gittim. Yatakhanede hep kabarda ve balkar çocuklarından ibaret 127 talebe vardı. En yakın zamanda bunlar yüksek tahsilli sovyet münevveri olacaklardır. Ona

göre her talebeye ayrı ayrılıkta büyük ehemmiyet vermek ve çocukların rahatını temin etmek lâzım geldigine kimse söz diyemez. Halbuki bu yoktur. Beş gün evvel yatakhanede yangın olmuş, eyi, ki insan telefatı olmamış. Yangın akşam üzeri başlamış, gece vuku bulmuş olsaydı felaket olacaktı. Yeniden yangın olmıyacağı hakkında hiç bir garantı yoktur.

Benin ziyaretim günü orada muallimlerden kimseyi bulamadım. Hepsi gitmiş. Erkek çocukların birinci palatasında sıcak 5 derece, çocukların ders hazırlamalarına mahsus „ihtiyat sınfında" hararet derecesi—sıfır.

Çocuklar ciddiyetle okumalıdırlar. Tedrisat rusca gittiginden okuma işleri aksıyor, 5 sınıf talebesi Haşıgof Hud ayak üzerinde, çantasının üzerine koyduğu defterde hesab yapmak mecburiyetindedir. Donuk bir ışık altında Berof Kalamber de ayni surette çalışıyor. Yıkanma odasında souk-don, mutbahta buhar odayı bürümüş ve damla halinde duvarlarda oturuyor. Yemek odasında bogucu bir hava, erkek çocukların bir kısmı, kız çocuklar ise temamile kışın paltosuz geziyorlar.

Böyle intizamsızlığa bir gün bile tahammül edilemez Maarif şubesi 2 nomerolu mektebin yatakhanesini nümunevî bir hale getirmelidir."

Unutmamak lâzımdır, ki—Lvovun da kaydettiği gibi— „millî cumhuriyetler" arasında Kabarda-Balkarya, „mekteb işleri hususunda en ileride gidendir." Bu böyle olunca, „ileride gitmiyen" cumhuriyetlerin mekteblerinde neler oluyor, aceba?

* * *

Gene 16-2-1937 tarihli „Groznenski Raboçi" gazetesinde yukarıki materyaldan az karakteristik olmıyan bir yazi okuyoruz. Çeçen-İnguşistan sanayi müesseselerinin „yerlileşmesinden" (yâni: yerli milletlerden amele celbedilmesinden) bahseden bu yazıda deniliyor, ki:

„Şubat ayının 14 nde komünist fırkasının Stalin nahiyesi komitesinin umumî ictimai çeçen ve inguşların istihsale celbi mes'elesini müzakere ediyordu.

Yerlileştirme hakkında maruzada bulunan Voronof (autobaz), Miteyko ve Kamarof (I kreking—imalathane) ve Yerkin (baş inşaat idaresi) yoldaşların izahatları çeçen ve inguşların istihsale celbedilme işlerinin zaif gittiğini isbat etti ve yerli millî hususiyetlerin nazarı itibare alınmamış olduğunu itiraftan ibaret oldu.

Stalin nahiyesindeki müesseselere 1936 de 1534 çeçen ve inguş kabul edilmiş, ayni müddet zarfında 1313 çeçen ve inguş işten uzaklaşmıştır.

Autobazda şövenistlerin açık çıkışları vuku bulmıyorsa da, bu onların sabotaj işlerile meşgul olmadıklarına delalet etmez.

„Kendi arzularile işten çıkarılanlar" defterine hep yerli milletlere mensub olan amele kaydolunmuştur. İşden çıkan çeçen ve inguşların „arzuları" nın neden ibaret olduğunu ise maruzaçılar bir türlü izah edemediler.

Ashabov adlı çeçen amele, parafin imalathanesi mehaniki Utkine bir istid'a ile müracaat ederek amelelikten usta şağirdliğine geçirilmesini rica etmiştir. Müracaatı rettedilmiştir. Ertesi gün ayni müracaatı rus ameleleri yapmış; ricaleri hemen kabul edilmiştir.

Utkin çilinger muavini Makayefe yardım ederek çilinger yapmakdansa kara amelelige sevketmiştir ve motif olarak da „istid'asız" diye göstermiştir. İnşaat idaresinin mehanik imalathanesinde amele Naruhanof. levazım işleri müdürü Tolmaçeve müracaat ederek nakid para mukabilinde bir cift ayak kabı istemiştir. Tolmaçev ise istd'aya şöyle bir rezolusyon koymuştur: „kendi arzusu ile işden çıkarılsın".

Utkin ve Tolmeçev gibi şovenistler çeçen ve inguş kadrosu hazırlama işini bozmak istiyorlar.

Şehirde, aullarda ve, bilhassa, Aldı köyünde yaşayan yüzlerce çeçen amelesi için en adî kültür şeraiti bile yaratılmamıştır.

Yoldaş Kolbus ictimada demiştir, ki: „Aldı köyüne gitmek için ameleler kulaklarına kadar çamurda yürümek mecburiyetinde kalıyorlar." 1936 de trest idaresinde (ikinci dereceli işlerde) 16 yerli amele varken Şimdi 4 kisi kalmıştır. Hepsi „kendi arzuları ile" gitmişlerdir.

İçtimada dediler, ki „günah trestedir", „nahiye komünist komitesi suçludur", isim göstermeden tenkid ettiler. Tenkid ikna edici değildi." Başların ön ayak oldukları, rus büyük devletçilik ideolojisi „derbali surette" ihya edildiği, devleti idare edenler rus milletinin hakimiyet rolunu resmen ilan etmek suretile rus „messianizmi" ideolojisine resmiyet verildiği bir zaman ve mekânda tenkid „ikna edici" olamaz.

УТВЕРЖДЕНЫ НОВЫЕ «КОНСТИТУЦИИ» ДАГЕСТАНСКОЙ, ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ, СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ И КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ «АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК»

В апреле были утверждены соответствующими обисполкомами «конституции» Дагестанской, Чечено-Ингушской, Северо - Осетинской и Кабардино - Балкарской «автономных республик». Тексты «конституций» опубликованы были в областных советских газетах. «Конституции» составлены на основе «великой сталинской конституции», которая, как известно, еще более укрепила советский политический и административный централизм. Зато в отношении Северного Кавказа «конституции» являются проводниками раз'единительных тенденций. Так например, конституция Чечено-Ингушской авт. респ. разграничивает чеченский язык от ингушского, считая их отдельными языками, тогда как культурные работники Чечено-Ингушской авт. респ. неоднократно выносили решения об установлении норм общего литературного языка для чеченцев и ингушей, вполне справедливо считая т. н. чеченский и ингушский языки диалектами одного и того же языка. Те-же самые тенденции в сфере языка отражает и новая конституция Дагестанской АССР.

СОВЕТСКАЯ КНИГА ОБ ИМАМЕ ШАМИЛЕ

Модный сейчас в советской России писатель П. Павленко, автор антияпонской книги „На Востоке", пишет роман на тему из жизни Имама Шамиля. Он же должен составить популярную биографию Имама для серии „Жизнь замечательных людей". В связи с этим „Орджоник. правда" помещает заметку одного из своих сотрудников, имевшего беседу с автором.

По словам Павленко, роман начинается с „возникновения в маленьком селении Ярыг первых вспышек протеста против русских колонизаторов". Кончается же на Сталине — на том, как „отец советского народа" об'являет „автономию Дагестана" в 1920 г. на большевистском с'езде в Темир-Хан-Шуре.

Уже из сопоставления этих двух имен в одной и той же книге можно судить о тенденциях автора. Книга, несомненно, будет очередным советским пасквилем о великом борце за волю Кавказских гор. Несмотря на свой исторический характер, она едва ли будет соответствовать и исторической правде. Это видно из приписывания автором аулу Яраг (а не Ярыг) роли первого очага, откуда антирусская борьба распространилась по всему Северному Кавказу.

В действительности же борьба Северного Кавказа с Россией ко времени наступления эпохи, которую имеет в виду автор, имела уже за собой давность в несколько десятков лет. Аул Яраг был лишь местом пребывания Шейха Магомета-Эфенди из Ярага (Яраги), давшего тарикатское посвящение Шейху Джемалэддину-Эфенди, наставнику будущих имамов Кази-Магомета и Шамиля, которые тарикатское учение положили в основу организованного ими национального движения, известного в русских источниках под именем мюридизма. Таким образом, аул Яраг связан с развитием мюридизма, отнюдь не являясь местом „первых вспышек протеста против русских колонизаторов", которые уже с самого начала своего проникновения на Северный Кавказ встречались с яростным сопротивлением.

По словам Павленко, трудность его работы заключается в том, что „ряд исторических, казалось бы бесспорных, документов требует самой внимательной проверки". Павленко говорит, что он провел большую работу, разыскивая нужные ему материалы. При этом он выявляет некоторые подробности, которые могут заинтересовать и наших читате-

лей. В изложении сотрудника „Ордж. правды" эти подробности выглядят следующим образом:

„Для своей новой работы Павленко пришлось побывать в Грузии, в Ленинграде, дважды в Дагестане, почти во всех нагорных районах и особо — в тех селениях, где происходили наиболее яркие события: в Ахульго, в Салтах, в Гимрах, на Гергебиле, в Гунибе; найти несколько долголетних стариков, участников национально-освободительной войны, и беседовать с ними.

По ряду документов, касающихся личности Шамиля, написанных арабистами, современниками имама, Павленко советовался с лучшими советскими востоковедами. Большинство наиболее интересных документов, относящихся к имамату и мюридизму на Кавказе, стало достоянием научного изучения только за последние четыре — пять лет. Раньше этим почти не занимались и о сохранении многих документов не думали. Значительная часть их пропала и восстановить их невозможно. Писателю для установления хронологии событий, создания характеров, об'яснения тех или других действий борющихся сторон во многом способствовали рукописные источники, обнаруженные только теперь. В военных архивах можно было найти документы о русских частях, действовавших на Кавказе, документы же, касающиеся противной стороны, совершенно отсутствовали. Поэтому обнаруженный недавно рукописный экземпляр истории, написанной сподвижником Шамиля, при непосредственном его участии — Мухамеда Тагира — огромный вклад в историю Кавказа. Для работы же Павленко она представляет особый интерес. Эта рукопись дает возможность сопоставить освещение одних и тех же событий русскими официальными летописцами и историками Шамиля" *).

И затем немного далее:

«Существовало превратное мнение, что Шамиль после его пленения, и в особенности после его приезда в Калугу, смирился со своим положением и сделался «ручным». Это мнение было основано на тенденциозных записках пристава Руновского, изображающих Шамиля не таким, каким он был на самом деле. «Восточные любезности» имама принимались Руновским за чистую монету. Писатель предполагает (на основании точных исторических данных) показать двойственность политики и поведения Шамиля в Калуге.

Такую трактовку образа Шамиля следует признать верной и соответствующей исторической правде, которую старые военные историографы хотели всеми силами извратить.

Для своей работы, по словам Павленко, ему пришлось просмотреть более восьми тысяч названий о Кавказе (из 20 тысяч существующих), которые имели прямое отношение к его теме.

Делясь опытом своей работы над новым романом с историками и писателями, тов. Павленко рассказал несколько интересных фактов. Он узнал, например, о нахождении в одном из ленинградских хранилищ скульптуры Шамиля. В конце прошлого столетия в правительственных кругах было намерение сделать бюст Шамиля. Для этого в Калугу был командирован скульптор с заданием вылепить Шамиля, но так, чтобы он об этом и не подозревал (как известно, по Корану изображения живых существ, особенно человека, запрещены). Скульптор выполнил это задание — бюст был сделан. Однако по каким-то причинам он не был отлит в бронзу и сдан в архив. Павленко, узнав об этом, поставил своей целью найти его. Были начаты поиски, но, к сожалению, ничем не увенчались; зато вместо бюста Шамиля была найдена неизвестная рукопись Державина». В заключение автор заметки пишет:

„Появление романа Павленко о Кавказе, нужно думать, будет не меньшим событием в нашей литературе, чем появление его романа «На Востоке». Тема национально - освободительной войны, восстание 1877 года, 1905 год и гражданская война в Дагестане — тема огромной мощи и интереса».

*) О нахождении этой рукописи («Блеск горных сабель в некоторых газаватах Шамиля») сообщалось в ноябрьском номере (за 1936 г.) нашего журнала.

Но, повторяем, автор едва ли пожелает надлежащим образом справиться с этой темой «огромной мощи и интереса». Личность одного из наиболее упорных врагов русского империализма нельзя описать об'ективно в условиях, где безраздельно господствует сталинское великодержавие.

«БОЛЕЗНИ „МАЙНЕФТИ"»

В статье под этим заглавием «Молот» (18. IV. 1937 г.) критикует работу Майкопских нефтяных промыслов.

„В течение последних полутора лет — пишет газета — трест «Майнефть» систематически снижает добычу.

Приведем несколько цифр. В 1934 году на промыслах «Майнефти» было добыто 938 тысяч тонн, в 1935 году — 1.194 тысячи тонн нефти; в 1936 году по плану следовало добыть 1.420 тысяч тонн, а было добыто только 1.098 тысяч, на 100 тысяч меньше, чем в 1935 году. План первого квартала этого года предусматривал добычу 360 тысяч тонн, а получено только 250 тысяч, на 19 тысяч меньше, чем было добыто даже в первом квартале прошлого года.

В 1936 году следовало пробурить 170 скважин, пробурено 182. Нефть же дали всего 129 скважин. В первом квартале этого года план бурения сорван: из 48 скважин пробурена половина. Себестоимость тонны нефти в январе — марте 1937 года на 9 рублей выше плановой. За три месяца трестом перерасходовано свыше двух миллионов рублей".

— Почему это произошло? — спрашивает «Молот». Оказывается:

„Факты показывают, что на промыслах и в тресте орудует вражеская рука. Японо-германо-троцкистские бандиты, окопавшись на отдельных ответственных участках бурения и эксплоатации, немало поработали над тем, чтобы максимально снизить добычу черного золота, играющего исключительную роль в народном хозяйстве и обороне страны. А обстановка, которая сложилась в тресте, благоприятствовала вредителям двурушникам. Потеря бдительности, беспечность и зазнайство руководителей «Майнефти», зажим самокритики, невнимание к нуждам рабочих и специалистов, отсутствие руководства стахановским движением, ослабление политической работы в массах — все это играло на руку врагам. И тем нетерпимее, что хозяйственное руководство треста и райком партии по сие время не поняли всей глубины допущенных ими ошибок".

В дальнейшем газета иллюстрирует «вредительство» на «Майнефти» рядом фактов:

„Проиллюстрируем это на ряде фактов. Возьмем Апшеронский нефтяной район, самый крупный и самый старый *). В течение всего первого квартала и апреля он недодает в среднем ежедневно 200—250 тонн. Нового бурения здесь не ведется, хотя известно, что в Апшеронском районе есть еще немало площадей, богатых нефтью. Однако, главная беда заключается в том, что здесь отвратительно поставлена эксплоатация. Свыше пятидесяти скважин промыслов бездействует, а для оживления их ничего не делается. Действующие же скважины систематически снижают дебит, так как и ими никто не занимается. В «Майнефти» до сих пор не разгромлена имеющая хождение среди некоторых

*) Не смешивать с Апшеронским районом промыслов «Азнефти». Название района произошло от станицы Апшеронской б. Кубанского казачьего войска, которая в свою очередь названа так по имени Апшеронского пех. полка старой русской армии, штаб-квартира коего в один из моментов кавкасской война находилась на месте нынешней ст. Апшеронской. На дачу станице этого имени повлияло наверное и то, что жители станицы, обращенные в казачье сословие, принадлежат в большинстве к потомкам отставных солдат Апшер. полка, имевших при штаб-квартире свою «слободку».

нефтяников консервативная теория: сважина с самого начала эксплоатации должна, якобы, постепенно, и притом неизбежно, снижать количество нефти. Эта вредная антигосударственная теория в свое время была разоблачена тов. Г. К. Орджоникидзе.

Скважина может и впрямь снижать свой дебит, но лишь в том случае, если все будет предоставлено силам природы. А где же воля человека? Если правильно руководить каждой скважиной, то этого не должно и не может произойти. Опыт пяти скважин «Майнефти» целиком это подтверждает. Вот скважина № 77. В декабре 1935 года она дала 2.211 тонн. Затем из месяца в месяц дебит начал снижаться, дойдя в мае до 1.544 тонн. Но над этой скважиной серьезно поработали, и в июле скважина № 77 дала уже 3.472 тонны, а в декабре — 4.001 тонну нефти".

И далее:

„В прошлом году был поставлен вопрос о необходимости форсированной эксплоатации кубано-черноморских промыслов. Наркомтяжпром, вняв доводам «Майнефти», отпустил на развитие этого бесспорно нефтеносного района 6 миллионов рублей. Начался, как принято здесь говорить, «черноморский бум». Сюда перебросили с Апшеронских и Хадыжинских промыслов рабочих и оборудование для бурения. Руководители треста тт. Барщевский и Парахин утверждали, что буквально в самый короткий срок эти промысла начнут давать до тысячи тонн нефти в сутки. Но пробуренные в третьем квартале прошлого года 30 скважин дают всего 250 тонн. Сейчас кое-кто пытаются, в оправдание провала, об'явить виновником поспешно расхваленный район. Но причина, конечно, не в этом. Дело заключается в том, что трест, пошумев, совершенно не подготовился к эксплоатации скважин.

В тресте всячески оттягивалось освоение богатейших месторождений — Асфальтовой горы и Кутаисской. Плановый отдел треста, возглавляемый некиим Дзагуровым *), о вражеских методах работы которого говорят буквально на всех перекрестках Нефтегорска, всячески тормозил финансирование развития этих районов. К строительству дорог (без чего немыслимо серьезное освоение новых месторождений) приступили в начале прошлого года, но до сих пор ничего реально не сделано. И в то же время трест ухитрился проложить другую, никому ненужную дорогу, ухлопав в нее четверть миллиона рублей.

С преступной беспечностью относятся в тресте к простоям и авариям, которые из месяца в месяц растут, вызывая срыв добычи нефти. В 1935 году простои из-за «организационных неполадок» и аварии в бурении составили 39 тысяч часов, в 1936 году — 130 тысяч часов, в первом квартале этого года — 28 тысяч часов. Авария на Кутаисском нефтепроводе, в которой обвиняют, и небезосновательно, заведующего производственно-техническим отделом треста Родненского, вызвала потерю тысячи тонн нефти. Известны факты, когда враг сознательно выводил из строя скважины. На электростанции за последний год зарегистрировано до 50 аварий. Но ни по одной из них на «Майнефти» следствие не проведено, ни один из виновных не обнаружен и к ответственности не привлечен. Больше того: в тресте нет учета аварий. Даже решения Пленума ЦК ничему не научили политических слепцов из «Майнефти»".

В заключении газета упрекает партийные организации «Майнефти» в том, что они не разоблачают «вредителей» и сами подвержены «зазнайскому самоуспокоению».

*) Этот Дзагуров по происхождению — коренной северокавказец (осетин). Еще недавно советские газеты превозносили его до небес, как лучшего бригадира по бурению и способнейшего «стахановца».

УБИЙСТВО ПРЕДАТЕЛЯ

В ауле Коркмас-Кала (Дагестан) председатель Коркмас-Калинского райисполкома Абу-Муталиб Багмадов убил редактора районной газеты Батырова. Батыров, по сообщению „Правды", „разоблачил", а по просту, совершил донос на группу „буржуазных националистов", центр которой находился в ауле Урахи и в которую входил также и предрайисполкома Багмадов. Большинство членов группы были арестованы, но за донос предатель поплатился головой.

«БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ» СРЕДИ ЧЛЕНОВ «СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ».

Некий В. Кирпотин печатает в «Правде» (22. IV. 1937 г.) следующий донос на членов армянского «союза советских писателей» в Эривани:

„Армянская советская литература — важная часть всесоюзной литературы. Троцкистские вредители, агенты фашизма и дашнаков, пытались превратить союз писателей в арену своей преступной деятельности. При поддержке предателя Ханджяна они выдвинули лозунг консолидации национальных признаков армянской литературы. Как показал Бакунц на следствии, лозунг этот родился из ненависти к большевистскому пути развития культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Бакунц, Симонян и др. выдвинули свой лозунг с целью наполнить национальную форму литературы контрреволюционным националистическим содержанием. Ханджян и его сообщники вели провокационную политику в области литературного наследства, они запрещали армянских классиков, об'являли их творчество насквозь националистическим, отрицали наличие демократической струи в армянской литературе. В то же время они под шумок распространяли слухи, что сами они другого мнения, что делают они это под давлением Москвы.

В области языка националисты ориентировали армянскую литературу не на связь с живым народным творчеством, а на древний язык церковных книг — «грапар». Алазан, Норенц — сами ничтожные писатели — пытались ориентировать армянскую поэзию на творчество некоторых поэтов из среды западных армян, националистов, формалистов, упадочников. Симонян вредительски стремился порвать связи армянских писателей с русской советской литературой. Он всеми средствами препятствовал осуществлению важного политического и культурного начинания — издания вполне подготовленной антологии армянской поэзии на русском языке

Разоблачение троцкистско - дашнакского вредительства, развертывание самокритики очистило литературную жизнь Армении. Пять дней шло собрание писателей, посвященное обсуждению решений пленума ЦК ВКП(б). Вредители не могли помешать здоровой консолидации сил армянской литературы. В Советскую Армению приехал и вошел в семью советских писателей Исаакян, крупнейший армянский лирик конца XIX и начала XX века, превосходно переведенный на русский язык Блоком и Брюсовым. Писатель Армен выступил с критикой своих прошлых ошибок и обещал написать роман на современную колхозную тематику.

Олимпиада народного творчества в Ереване показала замечательный размах народного творчества, давшего великолепные произведения о социалистическом строительстве, о Ленине, о Сталине. Ряд писателей — Наири Зарьян, Степан Зорян, Гегам Серьян, Азат Вштуни, Д. Демирчян и другие вплотную повернулись лицом к современной тематике.

Под руководством партии проводится правильная линия по отношению к литературному наследству. Правительством Армении приняты важные решения о юбилеях Сундукяна, Прошяна, Налбандяна. Творчество армянского поэта Цатуряна, которое ранее замалчивалось, потому что в нем звучат революционные ноты, сейчас широко освещено армянской печатью. Ереванский драматический театр назван именем Сундукяна.

Лишь один писатель Чаренц не выступил с критикой своих националитических ошибок. Его ошибки подверглись резкой критике на общем собрании писателей.

Советская общественность Армении проявила много терпения и великодушия к Чаренцу. Теперь только от него зависит выход на правильный путь.

Чтобы реализовать большие возможности, открывающиеся перед советской армянской литературой, необходимо коренным образом перестроить работу союза писателей. Характерная черта: на общее собрание писателей не были приглашены поэты-ашуги, никто из ашугов не состоит членом союза. Правление загружено хозяйственными делами и разными мелочами, почти не занимается творческими вопросами. В руководстве союза нет коллективности, не ведется работа по увеличению культурного багажа писателей. Многие молодые писатели не изучают даже русского языка. Недостаточна помощь, оказываемая правлением союза писателей СССР союзу писателей Армении. Все эти недостатки могут быть преодолены при правильной линии, при большевистской самокритике".

Как видим, советофильская часть армянской общественности имеет все меньше и меньше оснований делать какую бы то ни было ставку на красную Россию.

КОЛХОЗНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

«Орджон. правда» от 18. IV. 1937 г. помещает статью некоего Д. Голованова, посвященную колхозам Осетии. Статья эта рисует картину полной разрухи, царящей в колхозах. Автор пишет, что в результате «грубейших нарушений колхозной демократии падает дисциплина труда». Вот один из примеров такого «нарушения колхозной демократии»:

«В лучшем в республике колхозе им. Кагановича (сел. Эльхотово) тоже, под видом общеколхозного собрания, «актив» решил вопрос о продаже хлеба кооперации в порядке хлебозакупок».

Факт этот автор комментирует следующим образом:

«Колхозники все-равно продали бы излишки хлеба кооперации, но они глубоко возмущены тем, что без их ведома распродан принадлежащий им хлеб».

Иначе говоря, автора возмущает не сам факт продажи собственности колхозников кооперации, платящей за хлеб т. н. твердые цены, которые во много раз ниже цен рыночных, но факт невыполнения «активом» формальных требований «колхозной демократии», в условиях коих «колхозники все-равно продали бы излишки хлеба кооперации» — т. е. все-равно должны были бы позволить себя ограбить.

Затем из статьи мы узнаем, что во многих колхозах ломка кукурузы не была закончена даже к февралю. В ауле Сурх-Дигора кукурузу ломали 23 января, при морозе в 19 градусов, при чем многие колхозники отморозили себе руки и ноги. Нужно сказать, что нормально сбор кукурузы заканчивался всюду на Северном Кавказе в ноябре. Автор об'ясняет такое запаздывание тем, что колхозники «отлынивают» от работы.

«Вот колхоз «Сельмаш», — пишет он — Алагирско-Ардонского района. Здесь сейчас, в горячую пору, на весенних сельхозработах из 300 трудоспособных колхозников в поле не увидишь больше 25—30 человек. Невыходы на работу имеют место не только в колхозах Алагиро-Ардонского района. С этим явлением приходится встречаться и в Дигорском, и в других районах».

Автор приводит следующее показательное сообщение:

«Когда едешь по селениям Северной Осетии, бросается в глаза одно характерное явление: все дома колхозников густо окружены кукурузными бодыльями. В прошлом году приусадебные участки засаживались только кукурузой. Это результат вредительского планирования бывшего руководителя облзу, врага народа Цаллагова — говорившего колхозникам: по трудодням, дескать, ничего не получите, обеспечьте себя «страховыми» посевами».

Как видим из примера колхоза им. Кагановича в ауле Эльхот, «враг народа» Цаллагов был прав. Ведь, даже «колхозная демократия» не избавляет закрепощенных в колхозах сельчан от необходимости «продавать» по твердым ценам «излишки» хлеба кооперации. Как видим, попытка большевиков применить на Северном Кавказе аракчеевские методы провалилась.

КОЕ-ЧТО ИЗ ГЕОЛОГИИ И ПАЛЕОНТОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

«Орджоник. правда» от 12. IV. 1937 г. помещает заметку, посвященную геологии и палеонтологии окрестностей гор Псыхуабе и горы Машука. В заметке этой читаем, между прочим, следующее:

«...На самом деле, десятки миллионов лет назад здесь было обширное море. На дне своем оно отложило толщи известняка и глинистого сланца, покрывающих теперь склоны Машука и других наших гор.

Породы на Машуке глубоко изменены, слои приподняты, помяты. Бештау, Юца, Джуца, Золотой Курган видны со склонов Машука. Все 16 отдельных гор, в том числе и Машук, — это неудавшиеся вулканы, так называемые лакколиты. Их появление — отзвук былой вулканической деятельности Эльбруса. Застывшая магма лежит глубоко внутри, накрытая осадочными породами. На Бештау, Развалке и других лакколитах, в результате выветривания осадочных пород, застывшая магма обнажена.

В известковых плитах и среди глыб каменных потоков по склонам Машука довольно часто можно встретить окаменелости и отпечатки древних морских животных. Главными окаменелостями отложений мелового периода жизни земли являются моллюски иноцерамус и морской еж.

Несколько лет тому назад на горе Бык, в окрестностях Железноводска, в таких же известняках морского происхождения, найдены были зубы древней акулы. Как известно, акулы — обитатели обширных морей, связанных с океаном. Вот документы, которым нельзя не верить: они дают прямые доказательства изменчивости условий жизни на земле и изменчивости самих организмов.

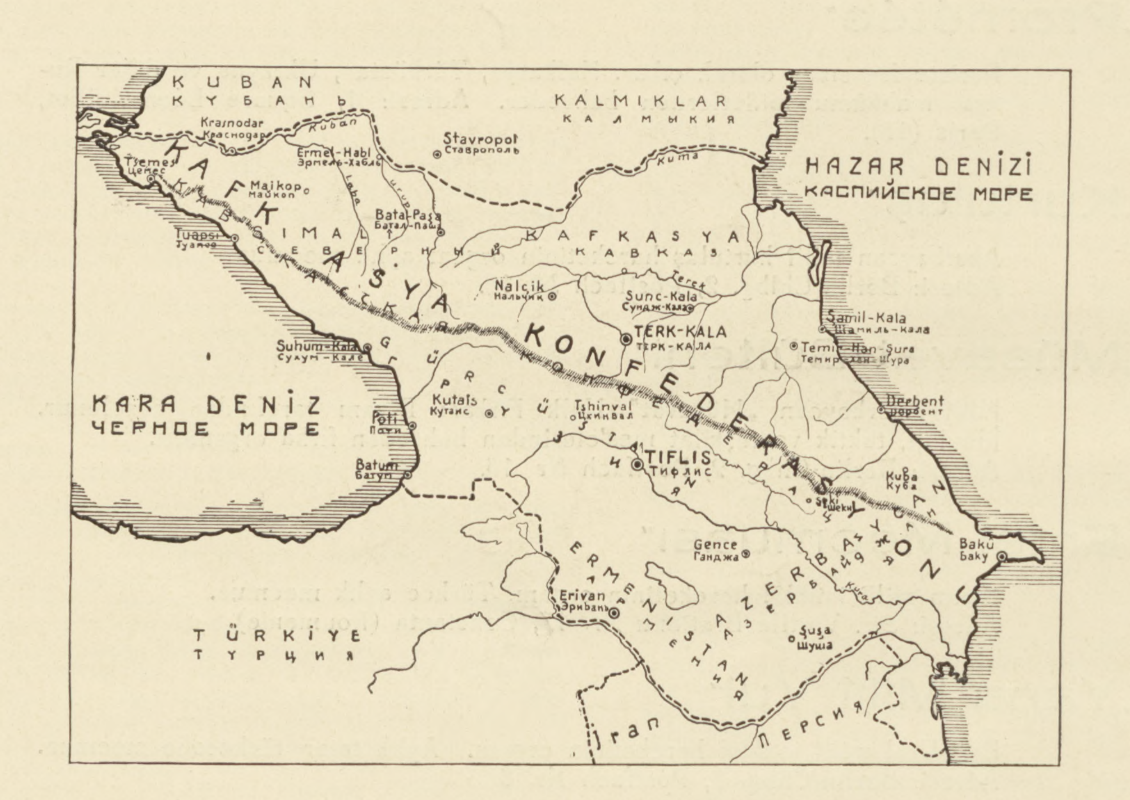
Горообразовательные процессы, обусловившие поднятие Кавкасского хребта, и энергическая вулканическая деятельность вызвали сокращение морских просторов, вода хлынула ко впадинам современных Черного и Каспийского морей. Это было в середине третичного периода жизни земли, т. е. 15—20 миллионов лет назад.

Другой, наземного происхождения известняк — травертин — это осадок из минеральных источников, хлынувших из кольцевой трещины Машука при его поднятии. Отложения травертина опоясывают весь Машук, ими покрыты Горячая гора и тот отрог Машука, где стоит беседка «Эолова арфа».

В северных и северо - восточных каменоломнях, где разрабатывают травертин, как строительный камень, найдены бивни южного древнего слона. В более молодых отложениях травертина на Машуке и в других местах нашли много остатков длинношерстого мамонта, северного оленя, медведя и др.

Свободная вода источников сбегала к самому нискому месту рельефа, к Подкумку, сносила туда осыпь щебня с Машука, связывая его известью. Порода такого происхождения — брекчия — обнаружена при разработке штольни радиоактивного источника. Брекчия — итальянское слово, возникшее в связи со звуковым впечатлением катящегося по склону щебня. Вот основные горные породы, имеющиеся на склонах Машука.

К югу и юго-западу от Машука видны ступенчатые возвышения-террасы, идущие в направлении хребта, за ними высятся скалистые горы, еще дальше — Главный и Боковой Кавкасские хребты с их вечно снежными вершинами. Геологи отмечают несколько фаз поднятия Кавказа. Наиболее древнее относится к каменно-угольному периоду жизни земли. С древними выходами пород связано золото, успешно разрабатываемое теперь в Карачае и в Кабардино-Балкарии. Повидимому, в то давнее время первого поднятия только скалистые острова среди моря намечали рельеф современного Кавкасского хребта».

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — **Włodarzewska 26 m. 6a, Warszawa (12), Pologne** — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала